

Незавидная невеста

Автор:

Оксана Гринберга

Незавидная невеста

Оксана Гринберга

Я вовсе не хотела ехать на королевский отбор. Да и невеста из меня, выросшей в приюте, признаюсь, не слишком-то завидная. Но дядя предложил сделку, от которой мне уже не отказаться. Каждое пройденное испытание – это год жизни моего младшего брата, поэтому я отправляюсь в столицу, где собираюсь задержаться на отборе как можно дольше. А заодно не потерять свое сердце... Ну и голову тоже, потому что врагов у дяди хоть отбавляй, и выжить на том отборе будет совсем непросто.

Оксана Гринберга

Незавидная невеста

Глава 1

Утро началось со скандала в большой гостиной.

Для Корнуэллов такое времяпрепровождение было привычным делом, но на этот раз скандал громышал куда сильнее и громче предыдущих. Правда, меня то, что происходило за закрытыми дверями нашей с братом комнаты, не слишком-то касалось, потому что в ту часть губернаторского дома мы с Олли были не вхожи.

Поэтому, пожав плечами, я снова уставилась в книгу. Мало ли о чем спорили мой дядя и двоюродная сестрица с утра пораньше?

Правда, для меня сейчас уже был разгар дня. Встала я несколько часов назад вместе с поднимавшимся над Вильмой солнцем. Зажгла свечи перед образами, попросив Богов об их милости.

Ну, и чтобы Они были особо милостивы к Олли...

После чего, одевшись и завязав косу, отправилась на кухню. Помогла поваренку растопить печь, потому что магией это сделать куда проще, чем лучинами, затем натаскала вместе с ним из колодца воды. Водопровода, диковинного столичного животного, в Вильме отродясь не водилось.

Позже, взяв с дядиной конюшни лошадь, немного проехала по утренним улицам северного городка, вдыхая все еще морозный, но уже весенний воздух. Вернувшись, вычистила Снежинку и покормила остальных лошадей, после чего с чистой совестью отправилась в дом. Прошмыгнула в свою комнату через черный ход – мы с братом жили на половине слуг – и уселась за стол, открыв книги с заданиями по естественным наукам и магии.

До начала урока оставалось еще полтора часа, так что я как раз успевала все повторить.

Заодно дожидалась, когда встанет дядя со своей единственной дочерью Абигейл, размышляя, вспомнят ли они сегодня о нашем с братом существовании или же на этот раз Боги нас милуют.

Вскоре поднялся и Олли. Сегодня он выглядел бледнее, чем обычно, с нездоровым румянцем на щеках. Но я выдавила из себя приветливую улыбку, старательно пряча под ней тревогу, и, поцеловав младшего брата, наказала ему хорошенько позавтракать. И нет, ему вовсе не стоит валяться в кровати, потому что так делают только больные, а он у меня совершенно здоров!

Проследила, чтобы Олли съел все, принесенное мной ему с кухни, после чего усадила за книги. Сказала, что чуть позже он сможет побегать с младшим сыном конюха в саду. Только не слишком сильно и не очень долго...

Потому что его болезнь снова набирала силу, как бы мне ни хотелось этого не признавать. Подходило время очередного магического вливания, которое подарило бы брату еще один год жизни. Вернее, подарить ему этот самый год – второй в богатом особняке на самом высоком холме Вильмы – должен был наш дядя, лорд Бернارد Корнуэлл, новый губернатор острова Хокк.

В последние дни дядя, которого ждала оплата лечения Олли, стал куда более язвительным, а моя кузина Абигейл, старше меня всего на полгода – ей только что исполнилось девятнадцать, – совершенно невыносимой. Всячески меня унижала и третировала, постоянно напоминая, что мы с Олли – бедные родственники и живем в этом доме только по милости ее отца, а я...

Я плохо ей кланяюсь и не слишком проникновенно ее благодарю.

Вообще-то, благодарить я должна была дядю, родного брата моей покойной матери, но мне приходилось молчать и терпеть. А еще приседать ниже и благодарить Абигейл так, как ей этого хотелось.

Потому что я понимала: только лорду Корнуэллу под силу спасти моего брата. И что таких денег – если я не выдержу и пошлю противную кузину куда подальше и нас с Олли выставят на улицу за подобное неуважение, – мне нигде не заработать.

Даже если я стану хвататься за все подряд, мне все равно их не заработать. И даже если я начну воровать или... гм... в теории продавать свое тело, в этом случае мы с Олли тоже долго не протянем.

Деньги нужны нам были сейчас, а в таком количестве их мог дать только дядя.

К тому же я вовсе не хотела воровать и уж тем более становиться продажной девицей, одной из промышлявших возле порта, куда приплывали торговые корабли или же заворачивали китобойные суда. Поэтому мне приходилось терпеть унижения со стороны кузины, скрывая под напускной покорностью свой гнев. И еще украдкой молиться Богам, чтобы у Абигейл нашлось занятие на весь день и она не вспомнила о нашем существовании.

Но сегодня, кажется, Боги меня услышали. Абигейл в чем-то порядком провинилась, и я надеялась, что ей будет не до меня. Потому что из-за закрытых

дверей, ведущих на хозяйскую половину губернаторского дома, доносились истошные крики лорда Корнуэлла, прерываемые плачем кузины.

– Как ты могла!.. – вопил дядя. – Где твоя совесть?! Продажная девка, вот кто ты!..

Вздыхнув, я все же отложила в сторону «Три принципа магического лечения» магистра Крута. Получалось, лорд Корнуэлл наконец-таки осознал истинную природу своей дочери и решил провозгласить это на весь дом. Хорошо хоть, Олли ушел гулять – ему в свои одиннадцать лет рано о таком слышать!

Впрочем, стены губернаторского дома много чему были свидетелями. А у стен, как известно, водятся не только уши, но и глаза, так что дядиными громогласными обвинениями никого из слуг было не удивить. Знала об этом и я.

Ну, о том, что Абигейл увлекалась молодыми и сильными мужчинами...

Не был в курсе только лорд Корнуэлл. Но, похоже, настал и дядин черед.

– Кто он?! – зычный голос дяди, отражаясь от каменных стен, разносился по всем уголкам особняка, стремясь вырваться наружу из распахнутых навстречу северной весне окон и разлететься по всей Вильме. – Скажи мне, кто этот негодяй?! Я прикажу сейчас же его казнить, сегодня же! Или нет, я заставлю его на тебе жениться!

На это Абигейл зарыдала пуще прежнего, потому что тогда ей... гм... пришлось бы выйти замуж одновременно за троих. По крайней мере, о которых я знала.

За ее учителя танцев, недавно выпущенного из столицы, за курьера из порта, рано утром привозившего в особняк губернатора свитки с таможенными отчетами, а еще за племянника конюха, с подачи Абигейл получившего должность лакея в доме.

– Папочка... Папочка, прости меня! Дура я! – рыдала Абигейл, и я была с ней полностью согласна.

Но затем решила, что Святая Истония вряд ли бы одобрила обуявшее меня легкое злорадство – наконец-таки Абигейл досталось по заслугам! Так думать было нехорошо, поэтому я накинула на свою комнату заклинание, заглушающие звуки.

Снова уткнулась в книгу, но сосредоточиться на прочитанном выходило из рук вон плохо. Потому что я понимала: такие крики к добру не приведут. Пусть противная Абигейл и получила по заслугам, но лорду Корнуэллу с его здоровьем вредно волноваться из-за похождения своей непутевой дочери.

Потому что эти самые похождения будут продолжаться, так как, уверена, раскаивалась Абигейл только на словах. А что, если дядю из-за ее поведения хватит удар?! Здоровье в последнее время у него было так себе... Зимой он сильно кашлял и слег на целый месяц. К тому же у него была склонность к повышенному давлению – не зря личный лекарь постоянно отпаивал его травами и целебными настоями, – и ему нельзя волноваться!

Что, если Абигейл вконец его доведет?! Тогда, оплакав нашего старшего родственника, мы с Олли снова окажемся на улице, и брата мне уже не спасти, даже если я очень сильно постараюсь!

Так думать тоже было плохо, поэтому, вздохнув, я всеми силами постаралась выкинуть подобные мысли из головы.

Вернее, мысли-то я выкинула, но внутри все равно поселилась противная тревога. Потому что по Вильме упорно ходили слухи, будто бы цены на магические услуги вот-вот взлетят до небес. Король Брайн решил обложить практикующих магов дополнительными налогами, что, естественно, выльется в неминуемое повышение цен на их работу. И тогда...

Мне было даже страшно подумать, к чему это может привести!

– И как только тебе не пришла мысль обложить налогами еще и воздух? – повернувшись, спросила я у висевшего на стене возле дверей портрета молодого короля.

Такие портреты были развешаны в каждой из комнат губернаторского дома – лорд Корнуэлл старательно демонстрировал, насколько сильно он любит

нынешнюю власть.

Но король привычно промолчал, оставив мой вопрос без ответа. Смотрел на меня сурово, хмуря темные брови.

И я снова вздохнула.

Брайн Стенвей был молод и, что уж тут скрывать, демонически красив. К тому же он правил Аронделом крепкой рукой, карая без жалости и облагая налогами по собственному желанию. Какое ему дело до того, что мы с Олли – бедные сироты с бедного северного островка на задворках его огромного королевства – попали в совсем уж бедственное положение?!

– С тебя и не такое станется! – пробормотала я.

Хотела добавить «королевский кровопийца», потому что последние три года после прихода к власти Брайна эти самые налоги порядком возросли, но не стала.

Решила, что не мое это дело.

Мое дело – это прекратить думать о плохом и помолиться за здоровье дяди. Потому что в тот ужас, который последовал за смертью наших родителей шесть лет назад, когда мы с Олли оказались в приюте, а потом я оттуда сбежала, чтобы достать деньги на его лечение...

Так вот, возвращаться в тот ужас мне нисколько не хотелось.

Пусть в доме лорда Корнуэлла нас считали бедными родственниками, а Абигейл называла нас «мерзкими побирушками», но, по крайней мере, у нас была крыша над головой, вдоволь еды, и дядя, пусть и скрепя сердце, разрешал преподавателям Абигейл давать нам уроки и оплатил лечение Олли в прошлом году.

Я надеялась, что так будет и в этом.

Но тут внезапно распахнулась дверь, и в нашу комнату ворвался лорд Корнуэлл собственной краснолицей персоной. На это я подскочила, выронив книгу, потому что визита лорда Корнуэлла никак не ожидала. Да еще и полог тишины заглушил дядины шаги.

Впрочем, тут же поклонилась почтительно. Затем, распрямившись, с тревогой уставилась на своего родственника. Дядину внушительную фигуру обтягивал черный бархатный камзол, с трудом сходявшийся на его животе. пышное жабо сдавливало ему горло, и он, тяжело дыша, стоял, навалившись на резную трость.

И я отстраненно подумала, что лорд Корнуэлл, похоже, снова увлекся жарким на ночь, не забыв запить его парой литров красного вина, потому что от него шел тяжелый запах перегара, который не заглушал даже выписанный из столицы парфюм.

Тут дядя уставился на меня, и я заметила, что один глаз у него красный, налитый кровью. Второй, Впрочем, тоже не сильно отставал от собрата.

Ахнула:

– Дядя Бернард! – и в полнейшем ужасе кинулась к нему. – Прошу вас... О, умоляю, вам же нельзя так волноваться! Почему вы не слушаетесь своего доктора, он ведь столько раз вам говорил?! Вам немедленно нужно сесть и успокоиться!

Он послушно опустил на стул, и я тотчас же отодвинула в сторону свои учебники.

– Вы позволите? – спросила я у него. – Я... Я могу... вам помочь!.. Я умею!

Вместо ответа он снова уставился на меня налитыми кровью глазами, а затем перевел взгляд на «Три принципа лечения» – книгу, которую я читала перед его приходом.

Моргнул.

– Мне кажется, новый приступ совсем близко, – тем временем говорила я, – а ваш лекарь ушел в Серые Пустоши собирать весенние травы. Он же не знал, что вы будете волноваться с утра пораньше! – Да так волноваться, что весь дом услышал! – Но я могу... Я прилежно учусь, и меня очень хвалит преподаватель по магии...

Не думала, что он мне позволит, потому что дядя много раз давал мне понять, что только вера в Богов не дает ему вышвырнуть нас с Олли вон. Но человек слаб, и его милосердие не безгранично, поэтому однажды мы снова можем очутиться на улице.

А ведь в нас с братом текла такая же кровь Корнуэллов – как в дяде и в Абигейл!

Но мы с Олли были Дорсеттами, потому что еще до моего рождения дед прогневался на маму и лишил ее наследства и титула за не угодный ему брак с моим отцом, обычным магом.

Дядя тоже не слишком далеко от него ушел. Много раз мне выговаривал, что его сестра Флоя загубила свою жизнь, связавшись с «тем мерзавцем» Норманом Дорсеттом. А мы с Олли – живое напоминание об этом прискорбном инциденте. Свалились ему на голову, и при виде нас он едва не умер от отвращения. Но все же проявил милосердие, хотя он много раз пытался отговорить Флою от этого брака, предрекая ей печальный конец. Но сестра никого не послушала, и все получилось именно так, как он и думал.

Потому что шесть лет назад мой отец погиб, а мама... Мама умерла через восемь месяцев после его смерти от тоски и безденежья, быстро растратив все наши небольшие сбережения. Затем наш дом продали королевские поверенные, тем самым оплатив наше с братом пребывание в Приюте Святой Истони на несколько лет вперед, и еще на год лечение для Олли.

На большее денег уже не хватило.

А дядя даже не приехал на похороны своей сестры, хотя я ему написала – тогда он еще жил в столице. Позже я отправила еще несколько писем, умоляя его о помощи. Просила не за себя, а за Олли, потому что мой брат болен и ему нужно раз в год получать дорогостоящее магическое лечение.

Но Бернард Корнуэлл, важный столичный придворный и член Парламента, так и не снизошел до ответа на мои мольбы.

А потом... Потом в столице случилась попытка государственного переворота, и в том заговоре оказались замешаны многие из вышестоящих. Но король Брайн выжил и вернул себе власть, после чего полетели головы, титулы, состояния и места при дворе.

Бернард Корнуэлл сохранил и голову, и титул, и свое богатство. А вот место при дворе и членство в Палате Лордов он все же потерял и был выслан на наш северный остров – назначен его губернатором! – с наказом не покидать Хокк до особого королевского распоряжения.

Со слов дяди выходило, что его оклеветали завистники, хотя он всегда стоял на стороне законного короля. Его вину доказать не удалось, хотя у следствия были какие-то косвенные улики. Фальшивые, как любил заявлять дядя. Именно из-за них Бернард Корнуэлл и лишился королевской милости.

Впрочем, два с лишним года назад, когда я узнала, что губернатором Хокка стал мой дядя... Нет, я не побежала сразу же обивать пороги его особняка в центре Вильмы. Вместо этого тянула так долго, как могла, не собираясь взывать к его милосердию, пока наконец не поняла, что другого выхода у нас с Олли попросту нет.

Иначе мой брат умрет.

Именно тогда я переступила через свою гордость и упала дяде в ноги. И Бернард Корнуэлл почему-то смилостивился, разрешив нам с братом остаться. Но при этом он неустанно мне напоминал, в каком мы перед ним долгу, а Абигейл постоянно надо мной издевалась.

Зато сейчас он пришел в нашу с братом маленькую комнатку, сидел за моим столом, уставившись на меня налитыми кровью глазами.

– Ты хорошая девочка, Агата! – наконец, произнес он с чувством, когда я немного подровняла магически его состояние, убрав признаки приближающегося нервного криза. – И очень хороший маг.

– Нет, дядя! – отозвалась я с явным сожалением. – Маг из меня посредственный, но я очень стараюсь.

Мне хотелось выучиться и полностью раскрыть свой магический дар, чтобы в будущем помогать родному брату. Но пока его болезнь была куда серьезнее моих умений – с ней могли совладать только Высшие Маги.

– Агата, скажи мне, – дядя уставился мне в глаза, – ты ведь все еще девственница? – На это я ахнула, а он продолжал: – Думаю, Сестры Святой Истории вбили в твою маленькую голову, что до брака любовные утехи неуютны Богам!

Кровь прилила к моим щекам.

– Как вы можете во мне сомневаться?! – произнесла я срывающимся голосом. – Я бы ни за что!.. Нет же, дядя Бернارد, клянусь вам, я никогда!

Однажды Мэтью меня поцеловал. Это было в тот день, когда он уплывал в столицу. Но поцелуй вышел смазанным – дружеским с моей стороны и не особо дружеским с его.

– Охотно в это верю, – согласился дядя. – Ну что же, Агата!.. Никогда не думал, что мне придется это сказать, но сегодня я даже рад, что ты пришла в мой дом. Потому что настал твой черед отплатить мне за доброту и те щедроты, которыми вы с братом пользовались по моей милости.

– Буду только рада, дядя! – отозвалась я осторожно, не совсем понимая, что ему от меня могло понадобиться. На секунду даже пожалела, что поставила полог тишины и не слышала всех деталей скандала. – Я сделаю все, что в моих силах!

Но уже через пару минут сказала ему категорическое «нет».

– Но это невозможно! – повторила я, украдкой покосившись на красивое, харизматичное лицо короля на портрете.

Я давно уже поняла, почему портреты короля Брайна Стенвея были развешаны по всему губернаторскому дому, а горничные на кухне смеялись, что в дядиной

спальне возле его кровати висят аж целых два!..

Потому что Бернард Корнуэлл истово мечтал вернуться в столицу, надеясь заслужить королевское прощение.

– Нет же, – снова сказала я, уставившись в карие глаза короля, словно тот лично настаивал на моем приезде в столицу. – Это просто невысказано!

Впрочем, тяжелый взгляд дяди ясно давал понять, что все очень даже мыслимо. А еще – осязаемо близко. Настолько, что и рукой подать, потому что он, лорд Корнуэлл, уже все решил, не спросив моего мнения.

– Я отправил посыльного к доверенным магам. Они придут через пару часов и проверят тебя, Агата, на предмет... гм... невинности! Но я уверен, что ты еще девственна, – добавил дядя, не обратив внимания на мой протестующий возглас. – В отличие от моей дочери, которая так сильно меня разочаровала. Но Абигейл росла без матери, которая умерла при родах, а я, признаюсь, никогда не уделял ей достаточно времени. Так что в этом есть и моя вина...

В поведении Абигейл я винила только лень и распущенность своей кузины, но промолчала, потому что дядя продолжал:

– Именно сейчас, когда король проявил свою милость, впервые обратившись ко мне за два последних года... Сейчас, когда он вспомнил, что я принадлежу к Первым Лордам, которые возвели Стенвеев на престол Арондела!.. Именно в этот момент Абигейл так сильно меня подвела! Потому что Корнуэллам пришло приглашение на королевский отбор...

На это я округлила глаза. Ну конечно же, приглашение-то пришло Корнуэллам! А это означало...

– Насколько я понимаю, на отбор позвали именно Абигейл, – произнесла я негромко, потому что по страдальческому лицу дяди казалось, будто бы король лично предложил ему стать своей невестой, но он вынужден ему отказать.

– Все намного сложнее, Агата!.. – Бернард Корнуэлл вытащил из кармана своего жилета носовой платок и промокнул взмокший лоб. – Это не просто королевский

отбор!..

- Разве? – удивилась я.

- Это мой шанс, Агата! Молодой король дает мне еще один шанс!.. Брайн Стенвей хочет, чтобы я вернулся ко двору, а это приглашение – символически протянутая мне королевская длань. И я должен... Я обязан ее принять, после чего начать свое восхождение наверх. Снова занять то место, которое причитается мне по праву рождения. Но раз уж Абигейл меня подвела, то на отбор поедешь ты!

- Но я не могу, – сказала ему спокойно, выдержав давящий дядин взгляд, – потому что я не Корнуэлл. Мы с Олли – Дорсетты, если вы вдруг забыли. Ваш отец лично вычеркнул мою маму из Золотой Книги Лордов...

- Ты меня не дослушала, Агата! – поморщился дядя. – Я уже все решил и отправил в Ратушу своего человека. Скоро придет королевский нотариус, и ты станешь леди Корнуэлл...

На секунду я замерла с раскрытым ртом, а затем все-таки решилась.

- Не только я, но и мой брат тоже, – сказала ему, смело посмотрев дяде в глаза.

Потому что, выходило, лорд Корнуэлл оказался в безвыходной ситуации и мог рассчитывать только на меня. Раз уж Абигейл его подвела и ей никак не явиться на отбор, который, по сути своей, символически... гм... протянутая королевская длань, то отправиться туда придется все-таки мне.

И от этого уже никуда не деться, даже если мне совершенно не хотелось никуда уезжать, а про отбор не могла и помыслить! Но если я откажусь, в этом доме нам с Олли не жить. Дядя разгневаается окончательно, сгнобит меня, а брату не даст денег на лечение, и это его погубит.

Поэтому я решила, что мне стоит... набить себе цену, понимая, что и дяде некуда деваться.

Судя по всему, он тоже это понимал.

– Хорошо, – заявил мне. – Твой брат тоже получит титул. Я согласен, Агата!

– И еще вы оплатите лечение Олли в этом году, – продолжала я торговаться. – Знаю, дядя Бернард, вы и так хотели это сделать по зову своего большого и любящего сердца... – На это он снова моргнул. – Но я хотела бы у вас попросить, чтобы ко мне больше не приходила Абигейл и не читала мне морали, рассказывая, насколько мы с Олли мерзки в своей нищете.

– Я за этим прослежу, – кивнул он. Затем склонил голову, прищурившись: – Но раз так, Агата, то с моей стороны тоже будет условие. Я хочу, чтобы ты поехала в столицу и...

– И?!

– Чтобы ты покорила сердце нашего короля.

Услышав это, я с сомнением покосилась на дядю, а затем украдкой взглянула на собственные руки. Не переборщила ли я с магическим лечением? Или, быть может, все-таки опоздала? Неужели дядю разбил удар, и он немного того...

Свихнулся?!

Да, я собиралась отправиться на отбор и сделать все, что в моих силах, чтобы не сильно на нем опозориться. Вернее, достойно представить семью Корнуэллов, хотя слабо понимала, как все будет происходить и что мне придется для этого сделать.

Но покорить сердце короля?! Как дядя себе это представляет?

– Это невозможно, – сказала ему, а затем выразительно покосилась на портрет Брайна Стенвея. – Подумайте, кто он и где я?! Вернее, кто я?

В двенадцать лет я попала в приют, из которого сбежала через два года, потому что деньги, оставленные на лечение Олли, закончились, а Сестры заявили, что на все воля Богов. И, если Боги решили, что Олли пора покинуть сей бранный мир, кто мы такие, чтобы Им противиться?..

Такая ситуация несколько меня не устраивала, поэтому я всеми силами пыталась раздобыть деньги и делала это целых два года, пока, наконец, не поняла, что это выше моих сил. Зато последние два года я провела в доме дяди на правах бедной родственницы.

И, можно сказать, у Корнуэллов мы с Олли зажили припеваючи.

У нас имелась крыша над головой, а у меня целых три старых платья, которые Абигейл сперва приказала сжечь в печи, но затем почему-то передумала и подарила мне в странном душевном порыве. Наверное, чтобы ей было чем меня попрекать. А еще у меня были две ее сношенные пары обуви и несколько книг по магии – вот и все мое приданое.

Какая из меня невеста короля Арондела?! Смешно!

– Я сделаю тебе предложение, Агата, – вкрадчивым голосом произнес дядя, – от которого ты уже не сможешь отказаться.

И он мне его сделал.

Каждое пройденное испытание – год жизни моего брата, вот что сказал мне дядя. И еще – он сейчас же позовет писаря, и мы составим соглашение.

Он даст мне с собой в столицу платья и украшения – вернее, моя кузина поделится своим гардеробом, потому что мы с ней одного роста. Правда, комплектация его дочери достаточно... гм... пышная, но швеи решат эту проблему к завтрашнему дню. Потому что уже завтра отплывает корабль в столицу, и дядя послал человека, чтобы тот выкупил мне каюту.

Письмо добралось до наших мест с запозданием, отбор вот-вот начнется, и мы не можем терять ни единого дня.

– То есть, если я пройду шесть испытаний... – пробормотала я, прикидывая. – Выходит, в этом случае мой брат доживет до совершеннолетия?!

А потом, когда его собственный магический дар, который оказался настолько силен, что буквально сжигал изнутри, придет в равновесие, ему больше не

понадобятся дополнительные магические вливания и «глубинная настройка», которые требовали так много денег.

– Если ты пройдешь шесть испытаний отбора, представив Корнуэллов с самой выгодной стороны и утерев нос моим завистникам, тогда я оплачу лечение твоего брата вплоть до его совершеннолетия, – согласился дядя. – А если ты войдешь в финал отбора, я оплачу тебе и Оливеру еще и учебу в столичной Академии Магии. – Повернулся к писарю. – Да-да, так и запиши! С твоей стороны, Агата, ты должна будешь сделать все, чтобы обелить мое доброе имя. Я дам тебе с собой документы, которые успел собрать за эти два года. Они должны в этом помочь.

– То есть...

– С твоей помощью я собираюсь вернуться в столицу, это обязательное условие. Без него наша сделка не имеет силы.

– Ясно! – отозвалась я, понимая, что перспективы заполучить шесть лет спокойной жизни без тревоги за Олли и судорожных поисков денег, а потом попасть в Академию Магии у меня такие же туманные, как и берега острова Торгис, очертания которого можно было разглядеть всего лишь пару раз в год при самой ясной погоде.

Но своим отъездом и провальной попыткой удержаться на отборе я хотя бы обеспечу Олли год жизни.

И то хлеб, решила я, а дальше уже будет видно. Вернее, дальше можно и помечтать о счастливой и спокойной жизни, если мне вдруг удастся убедить короля в том, что мой дядя самый верный из его поданных.

Вот, в спальне у него целых два портрета! Наверное, еще и целует их позолоченную раму перед сном...

Как оказалось, дядя тоже был мечтателем.

– Но если ты станешь королевой, Агата... – произнес он глубокомысленно, на что я не удержалась от нервного смешка.

– Простите! – сказала ему и портрету Брайна Стенвея. – Да, давайте помечтаем, дядя, что будет, если я стану королевой Арондела! Обещаю, тогда я сразу же открою Грани и запущу в наш мир драконов. – Папа всегда об этом мечтал, за что и поплатился. Его, как и дядю, изгнали из столицы, хотя до этого ему пели дифирамбы, называя лучшим магом королевства. – Нет, лучше пусть это будут единороги с гривами в цвета радуги... – Затем, охнув, повернулась к писарю. – Не надо записывать единорогов в договор!

– Ты недооцениваешь себя, Агата! – покачал головой дядя. – Ты унаследовала красоту моей сестры, а в молодости Флоя разбила немало сердец, потому что была первой красавицей столицы. К кому же тебе достался пылливый ум и своевольный нрав твоего пропадающего отца...

Тут я все-таки не выдержала.

– Единорогов вычеркните, а вот это впишите в договор, – сказала писарю. – Если я пройду дальше первого испытания, то про моего отца в этом доме больше никогда не будут говорить плохо!

Дядя Бернард сузил глаза, но все же кивнул.

– Согласен, – заявил мне.

И я снова не удержалась.

– Ваша сестра Флоя... Вернее, моя мама была несказанно счастлива с моим отцом. Папа носил ее на руках. Боготворил и делал все, чтобы она ни на миг не пожалела о своем решении.

– Но он сгинул...

– Его забрали к себе Боги, – заявила ему строго, подражая голосу сестры Инноренции. – И не нам с вами осуждать Их за такое решение!

– Чувствуется рука... гм... Ордена Святой Истони! – пробормотал дядя. – Ну что же, быть может, это даже к лучшему. – Он оглядел меня с ног до головы. – Красивое личико, отличная фигурка, сообразительная голова, уютская

скромность и взрывоопасный характер... Пожалуй, если сейчас окажется, что моя дочь Абигейл невинна, как слеза Святой Анны...

– Как вы можете такое говорить?! – ахнула я.

– То на королевский отбор все равно поедешь ты, Агата! – закончил он свою мысль. – И когда ты станешь королевой, а я вернусь ко двору, то я хочу... Да, министерский портфель. Так и запиши, – повернулся он к составлявшему договор писарю.

– Только не забудьте упомянуть, какого именно министерства, – добавила я ехидно. – Чтобы, когда я стану королевой и запущу в небо единорогов, я бы случайно не ошиблась, что именно мне нашептать в ухо своему мужу. Давайте послушаем о ваших мечтах, дядя Бернард!

И он мне о них рассказал. Сказал, что хочет возглавить министерство финансов Арондела, и я похвалила его за столь мудрый выбор.

Затем дядя заявил, что сейчас он уйдет, но пришлет ко мне модистку и горничную, которая приведет... гм... меня в порядок. Мои волосы, пожалуй, нужно чуток укротить и приструнить, а то они похожи на буйную конскую гриву. Черные брови немного проредить... Но он не особо сведущ в моде на женскую красоту, так что поручит позаботиться о моем внешнем виде своей непутевой дочери.

На это я вздохнула украдкой, подумав, что ничего хорошего из этого не выйдет. Уверена, Абигейл будет просто в ярости, станет рвать и метать!

И я ни в чем не ошиблась.

Стоило дяде уйти, как явилась моя кузина. Полноватая, пышногрудая блондинка, пылающая гневом в буквальном смысле этого слова. Лицо Абигейл было красным, причем, как мне показалось, вовсе не от слез.

И я подумала, что в будущем двоюродной сестре нужно старательно следить за своим здоровьем. А то, глядишь, удар ее хватит даже раньше, чем отца.

Но пока что здоровье у нее было отменным – Абигейл так сильно хлопнула дверь нашей с Олли комнаты, что с потолка чуть было не осыпалась штукатурка, а на маленьком иконостасе возле окна закачались образки богов и богинь.

Дархи – прародителя магии, Эмгу – покровителя путешественников, Элиты – заботящейся о стариках и детях, и Святой Истони, у которой я просила защиты, а еще молилась за своих родителей и всех тех, кто ушел в Иной Мир.

– Даже и не думай, – заявила мне Абигейл, – что тебе это сойдет с рук, мерзкая нищенка!

Я покачала головой.

– Поверь, Абигейл, я вовсе этого не хотела! Все вышло из-за того...

Но она не стала слушать моих объяснений, продолжая изрыгать проклятия и ругать меня на все лады.

– Гадюка, которую мы приютили у себя на груди! – вопила кузина. – Слизкая тварь, которая укусила руку своей хозяйки!..

И я не выдержала.

– Ты мне не хозяйка, Абигейл! – заявила ей.

– Думаешь, если ты смогла занять мое место на отборе, я спущу тебе это с рук?! – взвизгнула она. – Потому что пригласили меня!.. Меня, а не тебя!.. Я – леди Корнуэлл, и именно я должна была поехать в столицу, а не ты, подзаборная тварь!

Замахнулась, чтобы залепить мне пощечину, но ее рука налетела на выставленную мною магическую стену. Отскочила, и кузина заскулила, баюкая ушибленную ладонь.

– Не делай так больше, – сказала я ей, – потому что бить себя я не позволю. И вот еще, я отправляюсь в столицу только потому, что ты не смогла поехать. Там я

постараюсь исправить то, что ты чуть было не испортила своим легкомысленным поведением!

– Не тебе меня осуждать, мерзкая девка! Я сейчас же пойду и пожалуюсь отцу! Скажу, что ты меня ударила, тварь!

– Только попробуй, – ответила ей, – и я сразу же воспроизведу магическую историю того, что произошло в этой комнате. Лорд Корнуэлл своими глазами увидит, какими словами ты меня обзывала и что ты собиралась ударить меня первой, а я всего лишь защищалась. Твой отец поймет, что ты еще и лгунья, Абигейл, и это не доставит ему радости. Поэтому он накажет тебя куда сильнее, чем сейчас! Думаю, он запрет тебя дома даже не на месяц, а на целый год, а всех слуг мужского пола уволит...

От последних моих слов на лице кузины промелькнуло выражение неподдельного ужаса. Впрочем, Абигейл быстро пришла в себя.

– Сомневаюсь, что ты на такое способна! – заявила мне.

– Давай проверим, – пожала я плечами. – Только не забывай, что мой отец был сильнейшим магом в Аронделе!

Правда, его идеи в столице не оценили по достоинству. Да и мой собственный магический Дар пока только просыпался, так что до обещанного Абигейл было еще очень и очень далеко.

Но она-то об этом не знала!

– К тому же я твоя двоюродная сестра, – добавила я. – Такая же леди Корнуэлл, как и ты, поэтому попридержи язык, Абигейл! Иначе захлебнешься в собственном яде.

На это она побагровела и принялась хватать воздух раскрытым ртом, а я подумала: неужели ее все-таки разобьет удар?

– Посмотрим, – наконец, придя в себя, заявила кузина. – Поглядим на то, как ты отправишься на королевский отбор! В чем ты туда поедешь и с кем ты туда

приедешь. А еще – с каким треском ты оттуда вылетишь! Думаю, этот треск будет слышен даже в Вильме!

Сказав это, она развернулась и ушла, снова хлопнув дверью. Да так, что на этот раз образок с изображением Эмгу, покровителя путешественников, закачался и упал на землю.

Это был плохой знак, и я отстраненно подумала, что мой путь в столицу вряд ли будет легким.

Но я и представить себе не могла, насколько!

Глава 2

Что дорога в столицу будет непростой, я поняла еще вчера в губернаторском доме, а утром убедилась в этом еще раз.

О том, что будет происходить на самом отборе, мне даже думать не хотелось! При мысли о встрече с королем ладони моментально начинали потеть, а в груди поселялась противная тревога. Но я гнала ее прочь, точно так же как северный ветер гнал по небу серые, свинцовые облака.

Задувать он начал с самого утра, когда я отправилась на привычную конную прогулку по Вильме, все еще пытаюсь сжиться с мыслью, что вот-вот покину родной остров.

Но не это тревожило меня больше всего, и даже не предстоящая встреча с Брайном Стенвеем, правителем Арондела, холодила кровь. Очень скоро мне придется оставить Олли одного, вот что не давало мне покоя!..

Ветер к моему отправлению разыгрался не на шутку. То и дело бросал нам с дядей в лицо россыпь мелкий брызг, срывая их с волн, обрушивавшихся на причал, рядом с которым покачивался трехмачтовик «Гордость Империи». Тот самый, на котором мне предстояло проделать путь в столицу.

Олли в порт с собой брать я не стала, подумав, что у него, как и у меня, от затянувшихся расставаний сердце разорвется на кусочки. Попрощались мы с братом еще дома, и я долго держала его в своих объятиях, шепча Олли, что все будет хорошо.

Нет, я не могу взять его с собой – путь в столицу неблизок, да и на отбор приглашена только леди Корнуэлл, а юного лорда Оливера Корнуэлла туда не позвали. К тому же Олли нужно остаться на Хокке – завтра его ждал поход в магический докторат, такое пропускать ни в коем случае нельзя!

Но я обязательно вернусь, пообещала ему. Очень и очень скоро, и мы с ним заживем еще лучше, чем прежде. Потому что я собиралась сделать для этого все, что в моих силах.

Наконец, расстались.

Провожать меня отправился дядя, и, к удивлению, вызвалась еще и кузина. Мы уселись в губернаторскую карету, а во вторую повозку загрузили мой багаж, рядом с которым устроилась Мадлен, приставленная ко мне дядей горничная.

Впрочем, в порту Абигейл сразу же отошла в сторону и поглядывала на меня брезгливо, и я никак не могла взять в толк, зачем она поехала. Что ей могло здесь понадобиться?!

Зато дядя... Дядя продолжал делать то, что и в карете, – вываливать на меня имена и должности людей, с кем я могла встретиться во дворце. И я, стоя возле готовящейся к отплытию «Гордости Империи», старательно их запоминала, чтобы не попасть в столице впросак. А еще украдкой поглядывала на север, потому что со стороны Драконьего Утеса к Вильме приближались черные грозные облака.

В том, что вскорости на нас обрушится непогода, у меня не оставалось никаких сомнений, и к тревоге за брата и за то, что будет на отборе, присоединились еще и закономерные опасения за собственную жизнь.

К тому же старый капитан «Гордости Империи», до этого с невозмутимым видом покуривавший свою трубку, поглядывая, как заносят на борт тюки с поклажей и закатывают бочки с ячменным пивом, гордостью Вильмы, принялся подгонять

грузчиков. Прикрикнул, чтобы они пошевеливались, сухопутные крысы, гроза не за горами...

И я закрыла глаза, пытаюсь совладать с дурными предчувствиями. Потому что прекрасно понимала, что мы вряд ли успеем уйти из гавани Вильмы до начала шторма. Наш корабль вовсе не из быстроходных, и гордостью империи Арондел старенькая «Империя» могла называться если только полвека назад.

В столице давно уже появились огромные корабли с двигателями – новое слово! – которые работали на пару и магии, а вовсе не использовали силу ветра. Строили эти корабли из железа, и никакие бури им были не страшны.

Впрочем, о них я читала только в книгах или же слышала в разговорах. На наш остров они никогда не заплывали: им здесь попросту нечего было делать. Потому что на Хокке время остановилось...

Нет, не так! Мы словно провалились в прошлое, вот как говорила мама.

Провалились и увязли в прошлом, как мухи в варенье, – ее любимые слова.

Когда еще была жива, мама рассказывала нам с Олли об огромных домах и широких столичных улицах, по которым ездили не только дорожные кареты и коляски, запряженные лошадьми, но и самоходные повозки на паровом и магическом ходу. Никакие лошади им были не нужны – человек мог править сам, поворачивая ручку.

Говорила мама о железной дороге, связавшей разные части материка, и я удивлялась: как это, вся дорога из железа, это сколько же его надо?!

Рассказывала нам о монстрах-поездах, которые бегают, движимые силой пара и магии, по тем самым дорогам, и о других чудесных диковинках столицы...

Например, о мраморном королевском дворце, наверное, размером с половину Вильмы. О поющих фонтанах на центральной площади Стенстеда, о восхитительных подвесных садах, ступенями сбегавших к морю... По этим садам могли гулять все жители столицы, а не только особо приближенные к королю! О столичном зоопарке, где жили звери, привезенные со всех концов Арондела и из других стран.

К тому же в столице находилась Королевская Опера – роскошное здание из серого мрамора, почти что миниатюрная копия дворца Стенвеев. На ее сцене выступали лучше певцы Арондела и проходили театральные постановки.

Конечно же, все это было не чета нашей утопающей в грязи главной площади Вильмы, помост на которой служил как сценой, так и эшафотом...

С маминых слов я уяснила, что жизнь на нашем острове никуда не годилась по сравнению с тем, что происходило в столице. Поэтому я в чем-то понимала страдания дяди, изгнанного из рая в холодную северную действительность.

Наверное, этот корабль и приближающийся к нам шторм, заставивший грузчиков и матросов забегать по палубе, тоже никуда не годились, но другой возможности выбраться с Хокка и успеть на королевский отбор у меня попросту не было.

Поэтому я стояла рядом с дядей, пытаюсь бороться с тревогой, и уговаривала себя, что все будет хорошо. Мы обязательно успеем отплыть до грозы, а потом она пройдет стороной, не став нам помехой.

За погрузкой моих вещей дядя оставил следить Мадлен. Я же сжимала в руках маленький саквояж, в который только что положила копию его «доказательств», пристроив свиток по соседству с новым паспортом, подтверждающим, что я теперь новоиспеченная леди Корнуэлл. К тому же в саквояже лежали несколько монет, выданных мне лордом Корнуэллом на мелкие расходы, молитвослов, ключи от сундуков и пара носовых платков.

Мало ли, растрогаюсь, глядя, как скрывается вдали родной остров...

– Я отправил королю несколько писем, – тем временем говорил мне дядя. – Пытался объяснить, что мое имя очернили, а истинные зачинщики заговора до сих пор на свободе. Они рядом с ним, и я нисколько не сомневаюсь в том, что скоро они снова нанесут удар. Но я ни разу не получил от него ответа, поэтому думаю, что мои письма не дошли.

– Как такое могло случиться? – пробормотала я, хотя куда сильнее меня волновал надвигающийся шторм.

– Те самые враги, Агата! – с придыханием заявил дядя. – Предатели, которые меня оболгали! О, в столице у меня осталось предостаточно врагов!

И я вздохнула, сказав ему, что враги – это всегда очень и очень плохо. Затем вздохнула еще раз, потому что Драконий Утес уже почти полностью исчез в дождевом облаке.

Гроза вот-вот должна была обрушиться на Вильму.

– Поэтому ты отдашь эти доказательства лично королю в руки, – добавил лорд Корнуэлл. – Либо, если по какой-то причине у тебя это не получится, передай их его кузену, герцогу Раткрафту. Джеймс ближайший советник короля, и тот всегда к нему прислушивается. – Затем произнес: – Это мой единственный шанс, Агата! Но ты должна обязательно проследить, чтобы письмо дошло до адресата.

– Понимаю, – кивнула я. – И чтобы он проникся важностью того, что вы ему написали.

Тут с корабля принялись созывать пассажиров – нас было шестеро, но корабль не шел налегке, его трюмы были полностью забиты бочками с пивом – срочным грузом в столицу, – а потом раздался звон корабельного колокола.

– Не подведи меня, девочка! – произнес лорд Корнуэлл вместо прощания.

Затем вытащил платок и вытер влажный лоб. Руки у него дрожали, и я подумала, что дядя волновался еще больше моего.

– Я сделаю все, что в моих силах, – пообещала ему. – Но и вы тоже выполните свою часть сделки! Я говорю насчет Олли. Он мне очень дорог, поэтому я прошу вас...

Нас с братом еще вчера вечером переселили в другие, просторные, даже роскошные комнаты, а на завтра Олли был назначен поход к магистру Гундерсону. Но я не знала, что произойдет, как только «Гордость Империи» покинет порт Вильмы, и мое сердце сжималось от тревоги.

Слишком долго я привыкла полагаться на саму себя и защищать брата! А теперь, получалось, я уезжала в далекие края – на материк, – и когда вернуться было ведомо одним лишь Богам.

Именно поэтому я втихаря оставила Олли половину суммы, которую дядя выдал мне «на булавки» и на обратную дорогу домой. Решила, что «булавки» мне не пригодятся, потому что целая артель швей работала не покладая рук со вчерашнего утра и на «Гордость Империи» были загружены два сундука с нарядами, наспех перешитыми из платьев Абигейл.

Взяла я деньги только на обратный путь для себя и своей горничной, раньше прислуживавшей Абигейл, а теперь по волевоу решению дяди отправлявшейся со мной в столицу.

Это, естественно, не понравилось кузине, и Абигейл закатила еще один скандал. Правда, дядя быстро ее уgomонил, но я была уверена, что двоюродная сестра мне ничего не простила. Ни того, что на отбор поехала именно я, ни того, что она на время лишилась части своего гардероба и личной горничной.

А еще, подозреваю, Абигейл не могла простить мне того, что теперь «мерзкая нищенка» носила один с ней титул.

Но в порт кузина почему-то приехала. Стояла чуть поодаль и поглядывала на меня с улыбкой кобры, которая ждет удобного момента, чтобы вонзить в мое тело ядовитые зубы.

Но я уезжала, а Олли оставался... Кого она будет кусать, если меня не окажется рядом?!

– Я позабочусь о твоём брате, – пообещал мне дядя. – Иди уже, Агата! Тебе пора!

Повинуясь душевному порыву, на долю секунды я прижалась к его крупному телу. Потому что Бернард Корнуэлл был единственным моим родственником кроме Олли и противной Абигейл. На это он хмыкнул растерянно, после чего осторожно похлопал меня по плечу, сказав, что на корабле уже ждут. И пусть Боги будут ко мне благосклонны...

Абигейл я обнимать не стала. Кинулась наверх, по сходням, которые уже готовились убрать матросы. И почти сразу же раздался приказ капитана поднять якорь и расправить паруса, а через несколько минут в светлые полотнища, украшенные черными драконами Арондела, с остервенением ударил очередной порыв ветра.

«Гордость Империи», покачиваясь, принялась медленно отплывать от причала, покидая небольшой, но загруженный порт Вильмы. Направлялась к узкому выходу из гавани, в которую, наоборот, спешили вернуться до шторма рыбацкие суденышки.

– Леди, вам надо пройти в каюту! – гаркнул мне в ухо один из матросов. – Ветер крепчает, – и поднял палец, указав на несшиеся по небу темные, рваные облака – передовые отряды надвигавшейся грозы.

На это я кивнула, но все же решила задержаться у борта, потуже завязав ленты новой шляпки. Стояла, хотя ветер порядком трепал подол коричневого дорожного платья и хлестал им по моим ногам. Смотрела, как исчезал вдали мой родной город, а потом как удалялся серый, неприветливый остров Хокк, зелень на котором была лишь у берега, да и то с трудом отвоеванная у хмурых, темных скал, обители горных овец и разбойничьих шаек.

Затем, когда мы вышли в открытое море, ветер стал совсем уж порывистым, да и качать нас принялось так, что мне пришлось вцепиться в деревянный борт. А свинцовые волны, казалось, лишь набирали свою силу!..

Глядя на них, я решила, что самое время спуститься в каюту и хорошенько помолиться Эмгу и Святой Истони за старенькую «Гордость Империи» и всех тех, кто находился на ее борту!

– Скоро нас порядком потреплет, Эмгу мне в зад! – перекивая штормовой ветер, заявил мне старенький матрос, когда я попыталась добраться до лестницы, ведущей на нижние палубы.

Тут корабль подбросило на очередной волне, да так сильно, что я оторвалась от пола и, взвизгнув, повисла у него на шее.

– Ничего, юная леди, мы и не такое видали! Старушка «Гордость» выдержит! – добавил тот уверенно, но почему-то это меня не утешило.

Матрос заботливо проводил меня до двери, за которой оказалась небольшая лестница в четыре ступени, и я по ней спустилась, всего лишь пару раз приложившись об стены во время качки. Другие пассажиры «Гордости Империи» давно уже укрылись в своих комнатухах на носу корабля, но дядя на этот раз не поскупился – моя каюта соседствовала с капитанской, расположенной на корме.

Состояла она из двух маленьких комнат, одна из которой предназначалась для меня, а во второй должна была разместиться Мадлен. Еды нам с собой в дорогу не сложили, потому что обедать мне предстояло за одним столом с капитаном, а Мадлен должны были приносить в каюту – это была максимальная роскошь, которую только можно было купить на губернаторские деньги.

Правда, думать о еде мне нисколько не хотелось. Вместо этого я решила снять новое дорожное платье, переодевшись во что-нибудь попроще, и лечь в кровать, потому что чем дальше мы отплывали от порта, тем меньше оставалось возможности устоять на ногах. После этого мне хотелось закрыть глаза и... хорошенько помолиться Эмгу и Святой Истони, а затем просмотреть дядины документы, если, конечно, получится читать.

А если удастся сидеть за столом и писать, то раздобыть где-нибудь чернильницу и бумагу и составить список тех, с кем я могла встретиться на отборе и чьи имена я до сих пор помнила.

Но в каюте горничной, которая должна была мне помочь переодеться, так как она заведовала моими новыми вещами, не оказалось. Две наших комнатухи – комнатами их можно было назвать только в натяжку – были пустыми. И это порядком меня встревожило, потому что я не видела Мадлен с самого приезда в порт, занятая тем, что выслушивала напутственные дядины речи.

Наверху оставаться было невозможно – да и не было ее там, я бы заметила! – поэтому, вывалившись в проход – штормить нас стало еще сильнее, – я отправилась на поиски горничной. Заглянула на нижнюю палубу, но там было пусто, лишь покачивались матросские гамаки; затем добралась до камбуза, но и там ее не оказалось.

Перепугавшись не на шутку, я принялась стучать в пассажирские каюты. Может, их обитатели что-то видели?!

В одних выпивали, в других молились, в третьих возвращали богу моря съеденное за завтрак. Но Мадлен нигде не было, никто ее не видел!..

Сперва я подумала, что мне нужно как можно скорее разыскать капитана и бить тревогу – вдруг мою горничную смыло за борт и теперь она борется за жизнь в холодных свинцовых волнах?!

Но потом, вернувшись в свою каюту, я по наитию открыла первый сундук.

Тот самый, в котором оставила часть денег и куда дядя приказал положить шкатулку с драгоценностями Абигейл. Подняла крышку, и даже ключа для этого не понадобилось, потому что замок был открыт.

Внутри не оказалось ни денег, ни шкатулки, хотя я собственными глазами видела, как слуги укладывали вещи в последние минуты перед выездом!

Затем они заперли сундук на замок, а я забрала ключ. Но, наверное, мог быть и еще один...

Как раз у Мадлен, почему бы и нет?!

К тому же у горничной было предостаточно времени, чтобы прихватить деньги и драгоценности, после чего исчезнуть – на палубе стояла суета, никто и ни за кем толком не следил. Вернее, я не следила – смотрела на дядю, а тот смотрел на меня, тогда как Абигейл...

Что, если она поджидала Мадлен?! Увидела, как горничная сделала свое дело, и успокоилась. То-то кузина перед самым отправлением окинула меня презрительным взглядом!

Потому что я не сомневалась, кто именно отдал приказ Мадлен. К тому же они явно не ждали моего возвращения на Хокк... Иначе как объяснить то, что я увидела в сундуках – сперва в одном, а затем и во втором?!

...Я смотрела на искромсанные ножницами платья, порезанную обувь и порванные сорочки. Не только одежда не уцелела, шляпки и обувь тоже оказались полностью уничтоженными.

У меня осталось лишь то, что было надето на мне.

И я отстраненно подумала, что все это могла сотворить даже не Мадлен, а сама Абигейл еще в Вильме. Растерзать предназначенные мне вещи в порыве гнева, заставив горничную промолчать. Почему бы и нет?!

И я закрыла глаза.

Выходило, я прибуду на королевский отбор такой, какой была на самом деле – самой незавидной невестой из всех, – потому что корабль назад уже не повернуть. Капитан не станет меня слушать – «Гордость Империи» боролась со штормом, везя в трюмах срочный груз в столицу.

Это означало, что я предстану перед королем Брайном в одном дорожном наряде, с маленьким саквояжем, в котором лежал свиток с компрометирующими врагов дяди документами, мой новый паспорт, пара носовых платков, молитвослов и несколько дукаров.

Денег должно было как раз хватить, чтобы нанять извозчика, который довезет меня до королевского дворца, а там...

Там уже будь что будет, решила я.

На берег в Стенстеде я сошла, подозреваю, даже не бледная и не зеленая, а бирюзовая, под цвет морской воды в столичной гавани, сверкающей и переливающейся в лучах жаркого весеннего солнца.

Но даже оно меня не радовало.

Признаюсь, меня вообще мало что радовало. Если только тот факт, что я все-таки выжила, хотя я до сих пор с трудом могла в это поверить. Потому что комфортабельного путешествия в столицу вместе с чинными трапезами и долгими беседами о жизни в капитанской каюте не получилось.

Ничего не получилось, ведь вместо трех суток в пути мы провели целых четыре, и почти все это время «Гордость Империи» пробовали на прочность штормовые ветра и непогода. И, признаюсь, много раз мне начинало казаться, что старый корабль не выдержит, несмотря на заверения матроса.

Развалится на части, и мы уйдем на дно кормом для рыб.

Но он все же выдержал.

Шторм успокоился только на подходах к материку. Тучи разбежались, выглянуло солнце, да и ветер почти стих, и я выползла – в буквальном смысле этого слова – наружу из своей каюты. И теперь стояла, вдыхая теплый воздух полной грудью, и смотрела, как невозмутимый капитан с таким же невозмутимым видом отдавал команды, а матросы ловко лазали по реям и меняли паруса.

Потому что мы входили в переполненную судами столичную гавань. И я смотрела – смотрела во все глаза! – не только на парусники, но и на похожие на гигантских китов огромные железные корабли с дымящимися трубами.

Правду люди говорили: там даже не было парусов!..

Чуть позже появились и остальные пассажиры – такие же зеленые, как и я. Разве что кроме тех двоих, кто беспробудно пил четверо суток и ничего не заметил. Теперь они тоже стояли у бортов, вяло переговариваясь, потому что у кого-то шторм, а у кого-то выпивка забрала все силы...

Качало нас так, что все эти дни я могла только лежать и молиться. И молилась так долго, пока мне не начинало казаться, что Святая Истония мне отвечает. При этом я прекрасно понимала, что со мной говорила лишь моя надежда, обещая, что на этот раз все обойдется.

Потому что я не могла умереть. Не сейчас, когда так нужна Олли!

И дяде... Дяде я тоже была нужна!

В редкие моменты, когда ветер был не настолько яростен – наверное, ему тоже нужно было немного передохнуть, – я все же прочитала то, что лорд Корнуэлл дал мне с собой, и поняла, что собранные дядей доказательства никуда не годятся. Потому что в них не было ничего такого, что могло бы связать графа Маклахана и лорда Браммера, главных врагов дяди, с заговорщиками.

Неудивительно, что король не стал ему отвечать!..

Затем снова налетал ветер, и мне становилось не до заговорщиков и не до еды, которую мне приносили в каюту. Ни до чего!..

Зато сейчас, когда я немного пришла в себя и даже что-то поела – первый раз за четыре дня, – но все еще страдала от одуряющей слабости, к ней присоединилась еще и тревога.

Потому что в пути мы были на сутки больше и теперь я опаздывала на отбор. Одно хорошо – мне все еще было настолько плохо, что я даже не была в состоянии из-за этого переживать.

«Потому что я еще не опоздала!» – заявила я себе строго.

Именно такой – с зеленого цветом лица, саквояжем, который я прижимала к груди, и в дорожном платье, болтавшемся на моей фигуре, потому что живого веса во мне, подозреваю, стало еще меньше, я готовилась покорить столицу...

Наконец, смогла разглядеть Стенстед – утопающий в бесконечной зелени невероятно прекрасный город, обнесенный белоснежными крепостными стенами и с трех сторон окруженный Арвийскими Горами, высшие пики которых терялись в белесой дымке облаков.

Говорили, что где-то там, в этих горах, проходила одна из Граней, за которой лежал то ли вход в другой мир, то ли кратчайший путь на другую часть материка.

Заведомо точно я не знала.

Знала лишь то, что открывать Грани в Аронделе было под силу только обладателям древнего артефакта, который принадлежал королевской семье и сейчас находился в сокровищнице Стенвеев.

Маги, даже сильнейшие, могли об этом только помечтать... Как мечтал об этом мой отец, которого за инакомыслие двадцать лет назад с позором изгнали из столицы, лишив всех магических регалий.

Впрочем, я тут же потрясла головой, прогоняя эти мысли – мне и без них было нехорошо! – и снова стала смотреть на Стенстед. На высоченные шпили храмов Всех Богов, его огромные башни и гигантские сооружения.

Наверное, одно из них было королевским дворцом, но какое именно – отсюда я так и не смогла разглядеть, хотя очень, очень старалась!..

Станным образом вид на огромный город нисколько меня не пугал. Наоборот, вскоре я стала чувствовать себя намного лучше. Головокружение постепенно проходило, и я решила, что обязательно со всем справлюсь. Обязательно доберусь до дворца, а затем пройду первое испытание.

Да, в этом самом коричневом платье, которое казалось мне очень даже красивым. Вернее, лучшим из всех, которые были у меня до этого.

Затем я отдам дядины документы герцогу Раткрафту, потому что мысль о короле, который два года подряд с недовольным видом взирал на меня с портретов в губернаторском доме, внушала легкий ужас. Но с королем мне все же придется встретиться, а затем попытаться произвести на него впечатление, чтобы меня не выставляли с отбора как можно дольше.

А если и выставят, то я обязательно найду способ вернуться домой, потому что денег на это у меня больше не было...

Как оказалось, денег у меня нет ни на что.

– Сколько стоит взять извозчика от порта до королевского дворца? – спросила я у таможенных магов, когда, все еще покачиваясь, сошла с «Гордости Империи».

Двое мужчин в темной форме с некоторым сомнением уставились на мой саквояж, выслушав заверения о том, что я люблю путешествовать налегке. Но мои документы были в полном порядке, так что задерживать меня никто не стал. К тому же маги вполне любезно ответили на вопрос.

Оказалось, извозчик может попросить примерно двадцать дукаров.

На это я выпучила глаза – на такие деньги в Вильме можно было прожить почти неделю! – и еще крепче прижала к себе саквояж, подумав, что со своими четырьмя дукарами мне придется идти во дворец пешком.

С другой стороны, в оригинальности леди Корнуэлл не отказать – я прибуду на отбор на своих двоих в одном лишь дорожном наряде, в котором на берегу мне моментально стало жарко. На корабле гулял ветерок, навевая мысль о приятной прохладе, здесь же, в порту, я поняла, что в Стенстеде давно уже наступило лето, пропитанное запахом пота и рыбы и наполненное оживленным гомоном человеческих голосов.

Но и это не подорвало моей решимости.

К тому же у меня было еще одно дело.

Повернувшись к магам, я поинтересовалась, где находится городской рынок. Подумала, что раз отбор начинается сегодня вечером, то если я задержусь еще на немного, хуже уже не будет.

А я... Я хотела отыскать Мэтью.

Вернее, хотя бы попытаться.

Потому что он был единственным, кого я знала в столице, а помощь друга мне сейчас не помешает.

Глава 3

Мы познакомились с Мэтью в Приюте Святой Истони. Он, как и мы с Олли, попал туда, потому что тоже остался сиротой. Его отца уличили в растрате и бросили в долговую тюрьму, где тот умер из-за обострившейся чахотки, бича острова Хокк.

Мать Мэтью долго не прожила. Как, впрочем, и наша...

После смерти родителей двенадцатилетнего Мэтью забрал к себе дядя, живший в одном из рыбацких поселений на севере острова. Но, по словам моего друга, дядя много пил, а по этому делу лупил его чем ни попадя. Впрочем, продолжалось такое не слишком-то долго – где-то через год горький пропойца случайно упал с причала в зимнее море.

Нет, выплыть он уже не смог.

Именно тогда Мэтью и угодил в приют – проданного дядиного имущества как раз хватило, чтобы оплатить пару лет там пребывания. Там мы и подружились. Мэтью было тринадцать, а мне двенадцать, и мы оба не сразу смогли примириться с царившими в приюте строгими порядками. Однажды оказались среди наказанных сестрой Инноренцией и... разговорились.

Затем Мэтью почему-то решил, что раз он старше и вообще мужчина, то будет защищать нас с Олли, хотя до этого я вполне справлялась со всем сама. Никому не давала нас в обиду, потому что приютские нравы жестокие и там каждый сам за себя.

Но мне повезло, я родилась с магическим даром и к этому времени умела художественно его применять.

Впрочем, моей магии пока что хватало только на то, чтобы нас с братом обходили стороной. И, к моему величайшему сожалению, моих умений оказалось недостаточно, чтобы помочь Олли справиться со своей болезнью.

Именно поэтому через два года я сбежала от строгих Сестер Святой Истони. Не одна, а вместе с Мэтью. Он не выдержал приютских порядков и суровых наказаний за любую провинность, а я... Мне срочно нужны были деньги на лечение брата, потому что я совершенно не была согласна ни с матушкой-настоятельницами Тилинией, ни со Старшей Сестрой Инноренцией, заявивших, что жизнь Олли в руках Богов.

Потому что она, эта самая жизнь, грозила вот-вот оборваться. Олли уже больше года не получал своего лечения и ему было настолько плохо, что он даже не мог ходить – не хватало на это сил. Его поместили в лазарет, но там ему не становилось лучше. Наоборот!..

Вскоре брата перевели в палату, в которую, я знала, клали только умирающих, потому что она была расположена ближе всех к часовне. К Богам, которым мы молились по пять раз на день.

Но Олли ничего не помогало – ни молитвы Сестер, которыми они пользовались вместо лечения, ни то, что я почти перебралась жить в ту самую часовню, целыми днями простаивая у образов.

Олли давно уже метался в горячечном бреде, все реже и реже приходя в себя. А я... Я не знала, как ему помочь, потому что магический Дар сжигал его изнутри.

Когда папа был еще жив, мы не сталкивались с подобной проблемой. Отец, Высший Маг, сам контролировал происходящие с Олли магические процессы. Со слов папы выходило, что и я унаследовала похожий Дар, но мне каким-то образом удалось с ним совладать, а брату – нет...

Возможно, потому что его был значительно сильнее моего.

Потом, когда отца не стало, а Олли снова заболел, мы с мамой вызвали магистра Гундерсона из Вильмского Магического Доктора. За лечение тот попросил с нас три сотни дукаров. Уже тогда мне показалось это ужасной суммой, но сейчас, когда у меня не водилось ни единой монетки, я была на грани полнейшего отчаяния.

Понимала, что, даже если я сбегу и подамся просить милостыню к храму Всех Богов, отбив себе место у тамошних завсегдатаев, таких денег мне никогда не собрать. Или если я приду на порог того самого доктора и упаду магистру Гундерсону в ноги, это тоже ничего не изменит.

Единственный Высший Маг в Вильме, зачем ему помогать кому-то бесплатно?!

Именно тогда Мэтью сказал, что знает человека, который даст мне нужную сумму. Правда, этого человека разыскивают все жандармы Вильмы, но деньги у него водятся. И еще, что я его заинтересовала, поскольку ему нужен свой маг...

И я не стала ни о чем спрашивать. Например, каким образом он, приютский мальчишка, познакомился с тем самым человеком, которого разыскивают жандармы, или почему Мэтью ему обо мне рассказал.

Мне было все равно, за что его искали, как я не стала говорить, что маг из меня никакой... Вернее, почти такой же, как и из Мэтью. Все, на что я была способна, – лишь на несколько слабеньких боевых заклинаний. Ах да, еще магические светлячки, они выходили у меня на отлично!

Но в тот момент я была готова занять денег у кого угодно. Да хоть у всех демонов из преисподней, лишь бы спасти своего брата!

Именно поэтому, поцеловав давно уже лежавшего без сознания Олли в пылающую щеку, я не стала раздумывать ни секунды. Очень скоро с Мэтью покинули приют, выбравшись за обносившую его высоченную каменную стену через подкоп со стороны огородов.

Оказалось, там был лаз, о котором Мэтью знал уже давно. Именно так мальчишки тайком попадали в город, посещая заведения, при упоминании о которых сестра Инноренция бы залилась краской, а потом бы заставила их неделю стоять на коленях на холодном полу часовни!

Тем же вечером я явилась к магистру Гундерсону, сжимая во вспотевшей ладони триста пятьдесят дукаров – сумму за лечение и доплату за срочность, чтобы тот, не теряя ни секунды, тотчас же отправлялся к Оливеру Дорсетту в Приют Святой Истони.

Именно таким образом Олли получил еще два года жизни, купленные на деньги Хорошего Годфри – тот одалживал мне их два раза, – а мы с Мэтью остались в Братстве Голодных. Потому что назад, под строгие очи Сестер Святой Истони, путь мне был заказан, а мой друг в любом случае не собирался возвращаться.

Через какое-то время Мэтью стал полноправным членом банды, но меня это не коснулось. Нет, сказал Годфри, он не станет заставлять меня напрямую

нарушать закон и грабить бедных жителей острова.

На эту работенку у него найдутся свои ребята.

Я была нужна ему совсем по другому поводу. В мои обязанности входило ставить магическую защиту на его логово в Черных Скалах. Именно там банда хранила награбленное и именно там Годфри и его люди прятались от жандармов и конкурирующих банд.

Я должна была ставить магические ловушки и секретные маячки, чтобы обнаружить врагов еще на дальних подходах и чтобы в случае опасности банда успела бы скрыться. Уйти по длинным темным подземным тоннелям и затеряться среди неприступных скал.

Еще я следила, чтобы его люди, возвращавшиеся из города, не принесли на себе магических меток, по которым можно было отыскать то самое логово, по мне, оказавшееся намного уютнее приютских келий.

В последний год своего пребывания у Годфри я стала еще и лечить его людей, потому что делать это больше было некому, а у меня все-таки магический Дар и еще книги, которыми меня старательно снабжали.

И я очень старалась...

Сама хотела этого больше всего на свете – как можно скорее осознать свою магию и научиться ею пользоваться. Прекрасно понимала, что очередной год пролетит слишком быстро и мне снова понадобятся те самые три сотни дукаров для Олли...

Брать деньги взаймы у Годфри мне не хотелось, потому что я надеялась отдать главарю свой долг. Но время несло вперед, а я так и не разобралась... Моих магических умений все равно не хватало, поэтому Годфри снова одолжил мне нужную сумму.

Впрочем, через полгода его с несколькими парнями поймали во время дерзкого ограбления. Они угодили в тюрьму, причем надолго, а оставшиеся на свободе остатки банды спешно покинули логово. Боялись, что за ними придут, поэтому,

разделив добычу, разбежались кто куда.

Я ушла вместе с Мэтью. Он нашел нам заброшенную хижину в том самом рыбацком селении, где когда-то жил со своим дядей. Сперва я думала остаться в Вильме, в старом доме моих родителей, откуда пропали все папины книги и тетради, но Мэтью сказал, что нас там быстро найдут.

Поэтому мы прятались в рыбацкой деревушке. Мой друг где-то пропал с утра до ночи, а я... Я пыталась помогать местным – за еду для себя и Мэтью – и еще не впасть в полнейшее отчаянье. Потому что денег у нас не было, а Олли очень скоро снова потребуются магическое вливание!

Именно там, в той самой хижине, я узнала от Мэтью, что на Хокке появился новый губернатор и что он – наш с Олли дядя. А через пару месяцев и то, что Мэтью отправляется в столицу.

Один, без меня.

Оказалось, моему другу якобы пришло письмо от дальнего родственника в столице. Оно ждало Мэтью в приюте, куда он время от времени заглядывал, чтобы получить благословение матушки-настоятельницы Тилинии. На это я удивленно вздернула бровь, но промолчала.

Ну что же, хочет врать – пусть врет дальше!

И Мэтью продолжил самозабвенно сочинять. Со слов выходило, что матушка Тилиния отдала ему то письмо вместе с небольшой суммой на билет. Послание Мэтью, конечно же, мне не показал, заявив, что прочел его сам. На это я усмехнулась, потому что из Мэтью был еще тот чтец!..

Затем он заявил, что уже все решил. Причем не только решил – Мэтью купил билет на корабль, который отплывал на следующий вечер.

Нет, он не собирался меня бросать. Наоборот, хотел оставить мне немного денег на первое время и обязательно за мной вернуться, как только устроится в Стенстеде. Да-да, он собирался начать новую, честную жизнь в столице, потому что там куда больше возможностей, чем на забытом Богами острове Хокк!

На это я пожала плечами и пожелала ему удачного пути. Потому что, даже если бы Мэтью и предложил мне отправиться вместе с ним, я бы все равно отказалась.

Брату снова было плохо, и я тоже для себя все решила.

Я собиралась отправиться на поклон к дяде.

Так мы и расстались. Мэтью, попытавшись поцеловать меня на прощание, заявил, что скоро за мной приедет, после чего отправился покорять столицу, и я не видела его целых два года.

Мы же с Олли явились в дом лорда Корнуэлла.

...И вот теперь я тоже прибыла в столицу – зеленая... Вернее, уже просто бледная – именно такой я отражалась в многочисленных стеклянных витринах магазинов. А еще судорожно сжимавшая ручку саквояжа и... выглядывавшая тех, кто мог бы помочь мне разыскать Мэтью.

Мне мало верилось в то, что Мэтью, прибыв в Стенстед, нашел своего родственника и встал на путь добропорядочного гражданина. Уверена, он бежал от закона на Хокке, потому что в Вильме ему могла грозить тюрьма.

Поэтому он решил попытать счастья здесь, на этих широких мощеных улицах – в нашем городе была лишь одна, ведущая от дома губернатора к ратуше, – среди толп людей, огромных домов и...

Да-да, я их все-таки увидела!

Обомлела, уставившись вслед пронесшемуся мимо меня порывающему экипажу, ехавшему без лошади. Держась за медную ручку, им управлял важный господин в черном котелке. От экипажа несло гарью и странной магией, и я замороженно уставилась ему вслед. Нет, не господину, а механической повозке.

Затем, опомнившись, отправилась дальше, и мой путь лежал к городскому рынку.

Еще перед самым прибытием в столицу я решила найти Братство Голодных. Для этого мне нужно было разыскать мальчишек-беспризорников, живущих на улицах и знавших всех и вся о тех, кто стоял по другую сторону закона. Они-то и могли мне помочь найти Мэтью.

Поэтому шагала по улицам, иногда спрашивая дорогу. Втайне радовалась тому, что рынок находился не слишком далеко от порта, одновременно поражаясь огромным толпам...

Наконец, дошла, ужаснулась еще большей толпе, после чего, немного постояв и придя в себя, свернула к цветочным рядам. Прошлась вдоль лотков с горшками и срезанными цветами, вдыхая сладкий аромат и не забывая внимательно поглядывать по сторонам.

Потому что покупающий цветы мужчина довольно часто бывает рассеян... Он куда больше думает о даме сердца, чем о том, что ему стоит стеречь свой кошелек. Именно в такие моменты обворовать его проще простого. Так говорили мне промышлявшие у пары вильмских цветочных лавок мальчишки-карманники, делаясь своей наукой, пока я затягивала их раны магией.

Но то время осталось в далеком прошлом.

Сейчас же продавцы вовсю нахваливали передо мной свой товар, а один из цветочников даже сделал мне комплимент, сказав, что такой красавице он подарит любой букет со своего лотка. Но я лишь покачала головой и пошла дальше.

Мне было не цветов и не до ухаживаний.

Время близилось к полудню. Я прекрасно понимала, что должна была как можно скорее отправляться во дворец, и поиски Мэтью больше не казались мне такой уж хорошей идеей. Особенно когда вокруг ни следа Братства...

Но стоило мне подумать о том, что надо выбираться с рынка, как я заметила двух мальчишек – лет десяти-одиннадцати, босоногих, чумазных и порядком оборванных, ловко шнырявших среди лотков, выглядывая будущую жертву.

Замерла, а затем отошла в сторону, решив за ними понаблюдать.

Оказалось, я ни в чем не ошиблась – работали здесь по тому же принципу, что и в Вильме. Один из воришек ловко подрезал с пояса важного господина, с недовольным видом рассматривавшего фрезии, кошелек, а второй, прохаживавшийся неподалеку, кинулся наутек, отвлекая и пострадавшего, успевшего хватиться пропажи, и двух жандармов, тут же засвистевших в свистки.

Жандармы кинулись следом за вторым мальчишкой, требуя у него немедленно остановиться. Но я знала, что они все равно его не догонят. А если вдруг и догонят – мало ли, опутают его магией, – то все равно ничего не найдут, потому что тот ничего не брал.

Почему бежал? Просто бежал... Испугался жандармов, во-он какие они страшные!

Но сперва нужно было его поймать.

Я же, несмотря на поднявшуюся суету, отправилась ловить первого, ловко поднырнувшего под лотки с розами и теперь оказавшегося в соседнем ряду от меня.

Это было мне только на руку, и очень скоро я встала у него на пути.

– Погоди-ка, дружок! – сказала ему. – Воровать нехорошо... – Он дернулся было в сторону, но я тут же закончила: – Но неисповедимы пути Богов, которые привели нас в Братство Голодных!

После чего по-особому скрестила пальцы, понадеявшись, что знак столичного Братства ничем не отличается от того, которым мы пользовались в Вильме. Не ошиблась, и ненависть, промелькнувшая на лице мальчишки, сменилась любопытством.

– Значит, из наших? – спросил он недоверчиво, когда мы остановились у стены здорового каменного амбара, решив уйти от толпы. – А по виду не скажешь. Похожа на леди... Торгуешь собой для богатых?

Покачала головой

– Нет, собой я не торгую. Я – маг, – пояснила ему, решив не вдаваться в подробности.

– И что тебе надо, маг?! – поинтересовался он. – Свен меня зовут...

На это я сказала ему, что ищу в Стенстеде одного человека.

– Мэтью... Мэтью Пирс, он из Вильмы, с самого севера Арондела. Когда-то его звали Мэтью-Ловкие Пальцы. Думаю, ты можешь его знать. Скорее всего, он сейчас в Братстве.

В глазах мальчишки что-то промелькнуло, и я решила, что несколько не ошиблась. Мэтью здесь, в Стенстеде, только Свен не спешил в этом признаваться.

– Понятия не имею, – заявил мне.

– Ты его знаешь, – кивнула я, – и ты кое-что ему передашь. Вот, возьми, у меня есть четыре дукара...

Судя по его насмешливому взгляду, мне стоило убрать подальше свои деньги и не позориться.

– Скажи ему, что Агата приехала в столицу, – вздохнув, попросила я. – И еще, что я буду во дворце, если, конечно, меня оттуда не выставят. А если выставят, тогда я... Я буду где-нибудь здесь.

Потому что идти мне больше было некуда.

Свен взглянул на меня с любопытством.

– Может, передам, – заявил мне привычными словами Братства, – а может, и нет. Может, еще свидимся, а может, и нет...

На это я кивнула. Собиралась было попрощаться и уйти, но внезапно заметила, как Свен напрягся. Похоже, увидел кого-то в толпе, и его лицо искривилось в недовольной гримасе.

Я тоже посмотрела, но все было тихо – ни жандармов, ни королевских магов, лишь людская разноцветная толпа, текущая одновременно в разные стороны. Разодетые горожане, среди которых я внезапно заметила еще двух мальчишек-беспризорников.

Да-да, как раз в том самом ряду с фрезиями, где Свен со своим подельником обворовали важного господина.

– Конкуренты? – спросила я с любопытством, потому что другого объяснения резкой перемене его настроения у меня не было.

– Какие же они конкуренты?! Богатые идиоты! – заявил тот с презрением. – Притворяются нашими... Вот, даже одежду где-то раздобыли, но слишком уж чистенькие. Наверное, даже моются каждый месяц!

На это я украдкой вздохнула, потому что Свену тоже не мешало бы помыться. Его месяц давно уже истек.

– Как-то сюда уже приходили, даже знак показывали, – добавил он. – Но неправильно показали. Патрик им сказал, чтобы они убирались и что если мы их еще раз увидим, им уже не жить.

Судя по всему, «богатые идиоты» не послушались, и Свен собирался с ними разобраться. А как разбирались на улицах я прекрасно знала – много раз затягивала магией ножевые раны, но не всегда успевала.

– Не надо, – покачала я головой. – погоди, Свен, не стоит!.. Если они богатенькие, их только тронь – сразу же набегит толпа жандармов. – Его лицо искривилось в презрительной гримасе, и я поняла, что его не убедила. – Послушай меня, я ведь маг... И я чувствую, что на них стоят магические метки. Значит, их родители или опекуны за ними приглядывают, чтобы чего не вышло.

На это Свен поморщился, заявив, что про метки-то он и не подумал. Но он быстро бегают, так что поймать его все равно не успеют...

– Знаешь что, давай-ка я их отсюда уведу и разумно объясню, чтобы они здесь больше не появлялись, – сказала я. – Ты прав, нечего им здесь делать!

И раньше, чем Свен ответил, отправилась через толпу к мальчишкам – возраста, как мой Олли, похожим друг на друга, как...

Это были братья-близнецы, попавшие по своей глупости в огромные неприятности. Настолько неприятные, что у меня были серьезные причины опасаться за их жизнь.

Они не были никакими конкурентами, решившими «отнять» у Свена и Патрика их денежное место. Мальчишки нисколько не походили на членов Братства Голодных, хотя пытались себя за них выдавать. Мне показалось, они следили за дерганным типом с бакенбардами, но следили неловко, и тот давно уже понял, что за ним «хвост».

Шагал, недовольно оглядываясь, а потом кинулся куда-то в бок. Близнецы попытались было его догнать, но им не удалось, потому что я встала у них на пути. Они ринулись было в разные стороны, но я схватила одного за плечо, а перед вторым выставила магическую стену.

– Сейчас же остановитесь! – заявила им.

– Все в порядке, милая леди? – рядом с нами моментально возник жандарм в черном котелке. – Это еще кто такие?! Воришки?!

– Нет же, – улыбнулась ему, стараясь, чтобы вышло не слишком фальшиво. – Это мои непослушные племянники, господин жандарм! Вот же проказники, переоделись в тряпье и снова сбежали из дома. Но я им сейчас задам!.. О, может, вы хотите проверить мои документы? Я леди Корнуэлл...

Документы мои жандарм рассматривать не захотел. Бросив на нас подозрительный взгляд, ушел, но сказал, что будет рядом и, если что, я могу позвать его на подмогу.

Поблагодарив его, я уставилась на двух темноволосых мальчишек с ярко-синими глазами и веснушками на вздернутых носах. Причем нос у одного был немного поцарапан.

Они тоже смотрели на меня с крайне недовольным видом.

– Тебя наш брат послал? – спросил поцарапанный.

– Вообще-то, меня никто не посылал, – ответила ему, а затем добавила, потому что они засобирались было снова сбежать: – Стойте и не дергайтесь! Скажу вам сразу, ищейки из вас так себе. К тому же я не знаю, кто именно показал вам знак Братства, но либо вы бездари и не смогли выучили его правильно, либо этот человек серьезно вас надул. А Братству такое не нравится! Поэтому вы чуть было не угодили в серьезные неприятности, из которых я пытаюсь вас вытащить.

Вернее, неприятности поджидали их за углом того самого амбара – смотрели на них с грязными и недовольными лицами, потому что к Свену присоединился еще и Патрик.

Близнецы нахмурились.

– Как это, знак неправильный? – спросил у меня не поцарапанный.

– Смотрю, я привлекла ваше внимание! – отозвалась я со смешком. – Но у меня есть для вас еще одна новость, которая должна привлечь ваше внимание намного сильнее. Я вижу, как пульсируют на вас магические метки. Тот, кто их поставил, – мальчишки растерянно переглянулись, – уже идет по вашему следу. Он совсем близко и будет здесь через несколько минут. – В таком-то я разбиралась, не зря два года стерегла вход в логово Годфри! – Судя по всему, вам все-таки придется вернуться домой, откуда вы сбежали...

– Откуда ты знаешь, что мы сбежали? – поинтересовался поцарапанный. Кажется, у них была такая манера задавать вопросы – по очереди. – Может, у нас нет дома?..

– И почему мы не заметили меток? – вступил в разговор его брат. – Ведь мы же смотрели!

– Потому что вы плохо смотрели. К тому же вы плохо подготовились. Эта ваша одежда, где вы ее взяли? Она никуда не годится...

– Выменяли у сына конюха, – признался второй, без царапины. – Почему это она никуда не годится?

– Она слишком чистая, – усмехнулась я. – Как и ты со своим братом.

Мальчишки были домашними, ухоженными, с аккуратно постриженными волосами и без въевшейся грязи под ногтями. Никакого отношения к Братству Голодных они не имели.

– А ты можешь снять метки? – поинтересовался первый.

– Может, и могу, – пожала я плечами, – а может, и нет. Зачем мне это делать? Вас едва не прикончили в подворотне, так что наказание вам не повредит. – Их лица вытянулись. – Кстати, зачем вы следили за тем типом?

Признаваться они не спешили.

– Я Том, а это Дэнни, – вместо ответа произнес тот, что с царапиной. – Нас никто не различает, так что можешь звать нас как угодно. И мы будем отзываться, если, конечно, ты нас научишь знаку Братства. И еще покажешь, как снимать магические метки.

– Очень привлекательное предложение, – отозвалась я. – Только зачем мне это делать? Чтобы вы снова сбежали из дома?! Вас что, обижают? Может, родители вас бьют?

Пусть лица у близнецов были ясными, а глаза яркими и братья явно ни в чем не нуждались, это не отменяло факта, что даже в богатом доме жизнь могла быть невыносимой.

– Наши мама с папой умерли, – заявил мне Том. – Из родни у нас остался только старший брат и еще дядя. Нет, они нас не обижают...

– Они нас не замечают, – подхватил Дэнни. – Но мы-то все видим! И мы думаем, что против нашего брата снова готовится заговор. Мы с Томом подозреваем того, с усами и бакенбардами...

– Мы сказали об этом брату, но тот лишь отмахнулся. А дядя сказал, чтобы мы не лезли не в свое дело, – насупился Том.

– Потому что нас никто не замечает! – снова вступился Дэнни.

– А этот тип – он секретарь лорда Маклахана, и он либо что-то знает, либо в этом замешан...

Услышав имя Маклахана, одного из дядиных врагов, я округлила глаза. До этого хотела попросить близнецов, чтобы они не говорили так быстро, потому что они и так уже задурили мне голову, но вместо этого выдавила:

– Ах вот как!..

Потому что начала понимать, о каком старшем брате может идти речь. И еще – что это за дядя...

– Давай мы ее возьмем с собой? – повернулся Том к своему брату. – Она будет нашим третьим шпионом. – Затем посмотрел на меня: – Тебя как зовут?

– Агата, – сказала им. – Меня зовут Агата Дорсетт. Вернее, леди Корнуэл... А ваш старший брат, он...

Могла и не спрашивать, потому что у меня больше не осталось никаких сомнений.

В Аронделе было три принца – Брайн, ставший правителем Арондела пять лет назад после трагической смерти родителей, и его два младших брата-близнеца: Томас и Дэниел.

К одному из Стенвеев я прибыла на отбор, а с двумя другими столкнулась на улице, когда они следили за дерганым типом с бакенбардами, подозревая его в заговоре против своего брата. Уверена, это были всего лишь мальчишеские шпионские игры, хотя имя секретаря Маклахана заставило меня напрячься. А еще подумать: насколько же причудливы изгибы судьбы...

Но они стали куда более причудливыми, потому что близнецы так и не успели ответить на мой вопрос.

Дружно повернули головы и замерли с раскрытыми ртами, и я тоже решила посмотреть.

Поэтому повернулась и сразу же увидела молодого темноволосого мужчину, приближавшегося к нам с крайне мрачным выражением на загорелом лице. Он выделялся из толпы – и своим ростом, и ощущением уверенной властности, исходящей от его крепкой фигуры.

И толпа покорно расступалась, давая ему дорогу.

За ним шагали два мага, хотя и от того мужчины тоже шли сильнейшие магические вибрации.

Но не это заставило меня застыть с раскрытым ртом.

На миг мне показалось, что за непослушными близнецами явился сам король. Уж больно похожим оказалось лицо мужчины на то, которое взирало на меня с портретов в дядином доме два года подряд!

Правда, волосы цвета вороного крыла были слишком длинными, собранными сзади в хвост. К тому же, глаза у мужчины оказались синими – это я разобрала, когда он подошел поближе, – а вовсе не карими.

Брайн Стенвей на своих портретах всегда был изображен с короткой прической. Но, мало ли, отрастил, а заодно и сменил цвет глаз, и сейчас явился на цветочный рынок, чтобы лично забрать своих младших братьев?!

От этой мысли мое сердце заколотилось в бешеном темпе – неужели я нежданно-негаданно повстречалась с самим королем?! – а ладони моментально вспотели, и я чуть было не выронила саквояж.

Но тут близнецы выдохнули разочарованно:

– Дядя Джеймс! – и их лица искривились, словно мальчишки наелись кислых яблок.

– От него уже не сбежать, – расстроено сообщил мне Том. – Потому что дядя Джеймс – самый лучший маг в королевстве!

И я внезапно поняла, кто он, этот самый лучший маг в королевстве.

Конечно же, это был Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт, третий в очереди на престол. Кузен короля, его ближайший советник и правая рука. Тот самый, которому мне следовало отдать дядин свиток с доказательствами, проследив, чтобы герцог отнесся к ним со всей серьезностью.

А еще он оказался самым красивым мужчиной их всех, которых я встречала до этих пор!

Впрочем, я прекрасно понимала, что вряд ли могу вызвать у него похожие чувства. Да и зачем их вызывать, если я приехала... на отбор к его двоюродному брату?

Не ошиблась, потому что герцог, подойдя, мазнул по мне безразличным взглядом. Склонил голову в вежливом приветствии, на что я, очнувшись и перестав на него пялиться, тут же изобразила поклон.

Впрочем, Джеймс Стенвей уже с недовольным видом уставился на понурых близнецов. Оглядел их с ног до головы, но ничего не сказал. Вместо этого перевел взгляд на мое, подозреваю, все еще бледное после четырехдневного шторма лицо.

– Леди...

– Корнуэлл, – выдавила я из себя, раздумывая, что мне делать дальше.

Быть может, раз выдалась такая оказия, сразу же наброситься на него с дядиными документами? Отдать их здесь, на цветочном рынке, и дело с концом?!

Или же, наоборот, будет лучше, если я тихонько растворюсь в толпе? Пусть он сам разбирается со своими неугомонными племянниками! Это их семейное дело, и мне не стоит при этом присутствовать.

Или же все-таки остаться?.. Глядишь, они довезут меня до дворца, и мне не придется тащиться пешком, под раскаленным солнцем на самый высокий столичный холм – именно там располагался королевский дворец?

И я решила, что последнее. Не стану никуда растворяться, но и дядин свиток тоже отдавать не буду, вместо этого дождусь лучшего момента. К тому же меня не оставляла мысль, что собранные доказательства никуда не годятся.

Тут герцог Раткрафт снова заговорил, и у него оказался на редкость приятный голос.

– Простите моих беспокойных племянников, леди Корнуэлл! Подозреваю, они причинили вам порядком проблем.

Сказав это, он картинно нахмурился, на что близнецы тут же заявили, что они ни при чем. Вернее, они не сделали мне ничего плохого.

– Мы возместим вам ущерб, леди Корнуэлл, как материальный, если таковой был, так и моральный, который, подозреваю, достаточно велик, – добавил герцог, вновь обратив свой взор на племянников: – Неужели вы решили на этот раз поиграть в уличных воришек?! И вам не стыдно?..

На это близнецы тут же заявили, что им нисколько не стыдно, потому что они не собирались ничего воровать.

– Нет же, они нисколько меня не побеспокоили, – встряла я в разговор. – И ущерба никакого не было, милорд! Наоборот, несказанно воспитанные молодые

принцы...

На это Джеймс Ракрафт взглянул на меня с большим сомнением.

– Извольте шутить, леди Корнуэлл? Или же это завуалированная попытка мне польстить?

На это я открыла рот, собираясь возмутиться, но тут заговорил Том.

– Дядя Джеймс, а можно мы возьмем ее с собой?! – произнес он с придыханием.

– Она нам нравится! – тут же подхватил Дэнни. – Дядя Джеймс, ну пожалуйста!.. Можно она поедет с нами?! Мы будем хорошо себя вести!

– И не станем больше убегать! – пообещал дяде Том, но тут же добавил: – По крайней мере, целый месяц!

На это герцог Раткрафт закатил глаза, а я решила подлить масла в огонь.

– Да-да, – сказала ему, – возьмите меня с собой, всем будет от этого только польза! Принцы не станут убегать целый месяц, а я буду только рада, если вы довезете меня до дворца. Потому что я... – Не говорить же, что у меня нет денег даже на извозчика? – Потому что я приехала на королевский отбор!

В синих глазах герцога промелькнуло удивление.

– Ах вот как! Значит, еще одна невеста моего кузена? – и он с легким любопытством оглядел меня с ног до головы.

– Невеста, – подтвердила я, догадываясь, какие выводы он мог сделать. – Но, признаюсь, не слишком-то завидная!

На его твердо очерченных губах появилась едва заметная улыбка.

– Леди Корнуэлл, – протянул он, – подозреваю, это очередная шутка! Вашей красоте может позавидовать любая девушка во всех пределах Арондела.

И я подумала, что это, наверное, тоже шутка с его стороны, но все же поблагодарила герцога за комплимент.

– Кстати, отбор начинается уже сегодня вечером, – намекнул он. – Судя по всему, вы не слишком-то на него спешили!

– Все из-за шторма, – отозвалась я. – Корабль, на котором я плыла, угодил в страшнейшую бурю... На какой-то миг мне даже показалось, что сам Эмгу не хотел, чтобы я приезжала на этот отбор!..

– Но потом Он передумал, – усмехнулся Джеймс Стенвей. Впрочем, его лицо тут же приняло сочувствующее выражение. – Мне жаль, что ваше плавание было не из приятных, леди Корнуэлл! – произнес он, и мне показалось, что герцог говорил искренне.

– Эмгу все же передумал, – кивнула я, – но далеко не сразу, поэтому я прибыла в столицу на день позже. И еще... Весь мой багаж сейчас со мной.

Он с удивлением взглянул на мой саквояж.

– Все остальное погубило, – добавила я твердо. – Отправилось на морское дно, но я надеюсь, что хотя бы рыбы неплохо повеселились, заполучив мои платья и украшения.

– Они устроили там бал, – засмеялись близнецы, и я покивала, заявив, что, наверное, так оно и было.

– Очень, очень досадное происшествие, леди Корнуэлл! – возвестил герцог, хотя я так и не поняла, поверил ли он мне или же нет. – Но я надеюсь, что гостеприимность семьи Стенвеев сможет загладить те трудности, с которыми вам пришлось столкнуться по дороге в столицу. Начнем с малого – я доставлю вас во дворец.

Улыбнулся, и мое сердце заколотилось с удвоенной силой, хотя со стороны Джеймса Стенвея это было всего лишь проявлением вежливости. Затем герцог взглянул на своих племянников и наказал им больше не дурить.

На это принцы с энтузиазмом покивали, не спуская с меня глаз. Судя по всему, близнецы, как и я, были довольным подобным поворотом дел.

Тут Джеймс Стенвей поманил нас за собой, и мы двинулись вдоль цветочных рядов к выходу с рынка, сопровождаемые магами в черном. Люди покорно расступались, провожая нас взглядами, и довольно скоро мы оказались возле поджидавшего герцога экипажа.

Признаюсь, по дороге я загадала, что мы пойдем порталами, потому что кузен короля был Высшим Магом. Я нисколько в этом не сомневалась, так как чувствовала идущие от него сильнейшие магические вибрации.

Но мы ими не пошли, и я стала думать, что, быть может, у герцога Раткрафта окажется та сама самоходная повозка – с железным двигателем, работавшим на пару и магии, и без лошадей...

Но и эти мои чаяния не сбылись. Похоже, представитель королевской семьи предпочитал традиционный способ передвижения, потому что я увидела черную карету с запряженной в нее белоснежной четверкой и гербом с драконьими крыльями Стенвеев на лакированном боку.

Да и сам Джеймс Стенвей, на которого я украдкой косилась всю дорогу до кареты, чем-то напоминал мне того самого дракона...

Пусть разумные и благородные ящеры, которые когда-то умели сливаться с людьми в одно целое, давно уже ушли из Арондела, отправившись в мир за Гранью, но мне казалось, что герцог Раткрафт мог бы быть их гордым потомком.

Но при этом еще и крайне обходительным, потому что помог мне устроиться на обитом бархатом сидении и проследил, чтобы племянники заняли места напротив. Затем сел рядом со мной и приказал кучеру трогать, а сопровождающие герцога маги устроились на запятках.

Именно таким образом мы отправились во дворец.

В карете герцога Раткрафта оказалось... роскошно.

Куда более роскошно, чем в обитой бархатом и украшенной золотыми шторами исповедальне в часовне Святой Истони, расположенной на территории нашего приюта.

Почему-то вспомнилось, как ее специально готовили к прибытию архиепископа Плесби и мне с другими девочками довелось туда заглянуть.

Его Преосвященство пробыл в Вильме ровно два дня, но нашел время навестить матушку-настоятельницу Тилинию. Отпустил грехи Сестрам, затем отведал в трапезной соленой трески с особым сортом пива – единственное, чем гордился наш остров, – и сыграл несколько партий в шахматы.

Затем, когда архиепископ отбыл восвояси, украшения с исповедальни сняли, золотые подушки вернули в дом тогдашнего губернатора, и все стало как всегда.

Холодно и аскетично, как любила говорить моя мама.

Зато роскошь из кареты герцога никуда деваться не спешила – я устроилась на мягком бархатном сидении, затем, не удержавшись, осторожно провела рукой по его покрытию, чем заслужила удивленный взгляд герцога.

И руку сразу же убрала. Вот еще!..

Тут карета тронулась, и я, повернув голову, уставилась в свое окно, решив не пялиться на хищный, волевой профиль сидящего рядом со мной мужчины. При этом продолжала вдыхать резкий аромат его парфюма – от него уже никуда было не деться, – и мои мысли почему-то стремились превратиться... в кашу.

Но я запретила себе и эти мысли, и эту кашу.

Мне нужно научиться вести себя раскованно и спокойно рядом с особами королевских кровей, сказала я себе. Потому что я приехала на королевский отбор, где придется показать себя с лучшей стороны.

Это означало не мямлить и не превращаться в кашу рядом с мужчинами из рода Стенвеев, чтобы меня не выставили оттуда в первый же день. Поэтому поездка в карете с герцогом Раткрафтом будет хорошей возможностью в этом потренироваться.

Решив, что мне помогут молитвы и наука сестры Инноренции, я сложила руки на коленях, собираясь обратиться к Богам. Но не успела, потому что герцог уставился на меня пронзительно-синими глазами. Вернее, сначала он посмотрел на мои руки, а затем перевел взгляд на мое лицо, и я увидела на его лице неподдельный интерес.

– И тут ко мне пришло озарение! – возвестил он с легкой улыбкой. – Я вспомнил, что однажды уже встречал юную леди Корнуэлл на одном из приемов, пока Бернард Корнуэлл еще... гм... не отправился губернатором в северную провинцию. Но уже тогда она отличалась, – склонил голову, – довольно-таки раскованным нравом. К тому же у нее были светлые волосы и округлые формы, что никак не совпадает с тем, что я имею удовольствие лицезреть перед собой...

– Это моя кузина, – сказала ему. – Но Абигейл не смогла приехать в столицу.

– Интересно, почему?

Вместо ответа, подозреваю, я покраснела – почувствовала, как кровь прилила к щекам. Не говорить же ему, почему!..

– По личным причинам, – наконец, выдавила из себя, – которые я не стану оглашать вслух. Это не моя тайна.

На это герцог кивнул. Его губы вновь тронула легкая усмешка, и я подумала, что для Джеймса Стенвея тайна Абигейл уже нисколько не тайна.

– Похоже, нрав у нее оказался излишне раскованным для того, чтобы принять участие в королевском отборе, – произнес он.

И я решила, что мне стоит быть с ним поосторожнее, так как герцогу Раткрафту не отказать в пронизательности. Но тут, как назло, вместо того чтобы оставить меня в покое, он принялся задавать вопросы и начал с моих родителей.

Поинтересовался, как так вышло, что нам не довелось встречаться до этого времени, потому что такую красавицу он бы обязательно запомнил.

И я подумала, что сейчас герцог узнает, кто я такая, и комплименты из его уст прекратятся.

– Нам не довелось встречаться до этого момента, милорд, – сказала ему, – потому что мой отец – бывший архимаг Норман Дорсетт.

Замерла на секунду, дожидаясь, когда изменится его лицо. Ну что же, он понял, о ком идет речь!

Впрочем, я тут же продолжила:

– Папа женился на леди Корнуэлл, но после свадьбы им пришлось уехать на север, на остров Хокк, где появились на свет я и мой брат. Правда, позже мои родители умерли. – Про приют решила ему не рассказывать. – Но затем на остров отправили губернатором моего дядю, и наша... гм... семья наконец-таки воссоединилась. А после того, как Корнуэллам пришло приглашение на отбор, дядя решил... В общем, я поехала вместо Абигейл, потому что королевское приглашение для нас очень большая честь!

– Значит, лично для вас, леди Корнуэлл, приглашение моего кузена – очень большая честь? – поинтересовался Джеймс Стенвей вполне любезно, и я уставилась в его синие глаза.

– Не только это, – сказала ему твердо, подумав, что его вопрос может быть проверкой. – Портреты вашего двоюродного брата развешаны в каждой из комнат дядиного дома. В моей тоже висит, и я... Я давно уже влюблена в короля Брайна!

Врать так врать! А заодно и сложить пальцы в особом знаке, защищавшем от гнева богов за ложь.

Потому что это была ложь во спасение Олли.

– Значит, в каждой из комнат? – усмехнулся Джеймс Стенвей. – Повезло же моему кузену! Кстати, я многое слышал о вашем отце, леди Корнуэлл!

После его слов я порядком напряглась, готовая к тому, что герцог вот-вот выльет на меня ушат грязи. Потому что папины идеи в Аронделе мало кому пришлись по нраву.

Отец мечтал открыть Грани, используя хранившийся в королевской сокровищнице древний артефакт – Сердце Пламени. Уверял всех, что, если Грани исчезнут, ничего страшного не произойдет. Вернее, ничего не произойдет, кроме того, что мы получим неведомые доселе возможности передвижения не только в новых мирах, но и в нашем.

И еще, что тот самый всплеск, произошедший около тысячи лет назад из-за вышедшей из-под контроля магии и давший толчок к образованию этих самых Граней, не повторится больше никогда. Потому что магические потоки стабилизировались и повторение катастрофы нам уже не грозит.

В подтверждение своим словам отец исписал несколько томов с математическими выкладками, разобрать которые было выше среднего ума. Я как-то пыталась, но не смогла, несмотря на папины объяснения, а позже его труды исчезли вместе с проданным неведомо кому домом.

Одно я знала наверняка – отец настаивал на том, что без Граней наш мир не погибнет. Да и воссоединение с драконами пойдет всем только на пользу.

Но его оппоненты в столичной Магической Гильдии сочли папины идеи не только вздорными, но и опасными для Арондела. К ним подключились еще и священники, осудив его за святотатство.

Все закончилось тем, что папу заключили под стражу. Затем был суд, на котором от него потребовали отказаться от ереси. Вместо этого отец отказался от магического сообщества, назвав их упертыми глупцами.

Нет, в тюрьму папу не посадили и на каторгу не отправили. Эти самые глупцы лишили его звания архимага, с позором исключив из Магической Гильдии и изгнав из столицы. Отцу пришлось уехать на север, а мама отправилась вместе с ним. Там родились мы с Олли, и, видят Боги, мы были счастливы в нашем

маленьком домике в Вильме!..

– Я вас внимательно слушаю, – сказала я герцогу. – Смело говорите все, что у вас на душе!

Но вместо грязи он заявил:

– Ваш отец был гениальным магом и ученым, во многом опередившим свое время. Мне доводилось читать его книги. Особенно интересными показались работы по Магии Граней, и мне очень жаль, что я не застал то время, когда архимаг Дорсетт преподавал в Академии.

Услышав это, я растрогалась.

Но ненадолго. Ровно до момента, пока герцог не спросил, что на самом деле приключилось с моим багажом.

И мне снова пришлось скрестить пальцы, рассказывая – не вранье! – в какой страшный шторм мы попали по пути в столицу. И о пробоине – вранье! – из-за которой пришлось выкинуть за борт весь мой багаж, чтобы наш корабль не затонул.

Не говорить же ему, что моя кузина из зависти и по причине врожденной глупости испортила все мои платья, наказав Мадлен украсть деньги и украшения, а мы с дядей подписали договор, по которому я должна выставить Корнуэллов в столице в лучшем свете?!

Ведь на кону была жизнь моего брата!

– А ваша горничная, она тоже угодила в пробоину? – любезно поинтересовался герцог. – Или же ее выкинули за борт, как ненужный балласт?

Я вздохнула украдкой.

– Моя горничная, – сказала ему, – была настолько опечалена происходящим, что стоило нам сойти с корабля, как она тут же выразила желание отправиться в монастырь Святой Анны, чтобы обрести покой в своей душе. И я дала на это свое

согласие. Кто я такая, чтобы стоять между ней и Богами?!

– А вы, леди Корнуэлл, все-таки решили поехать на отбор, потому что покой вашей души нарушен увлеченностью моим кузенком? Не зря же в каждой комнате вашего дома висит по его портрету.

Похоже, герцог порядком забавлялся на мой счет, несколько не поверив истории об утрате багажа и отправившейся в монастырь горничной, но я все равно выдавила из себя улыбку.

– Именно так, милорд! Вы совершенно правы, – заявила ему, хотя на миг мне захотелось...

Меня терзали два совершенно противоположных желания – одновременно хотелось его придушить и в то же время все ему рассказать. Но первое было неуютно Богам, а второе шло вразрез с нашим с дядей договором.

Потому что лорд Корнуэлл обязательно должен вернуться в столицу, а Олли получить лечение до своего совершеннолетия.

И я улыбнулась герцогу еще шире.

Впрочем, оставив меня в покое, Джеймс Стенвей не придумал ничего лучшего, как переключиться на своих племянников.

– Скажите мне, малолетние вредители, – заявил он принцам, – чем вам так сильно не угодил секретарь графа Маклахана? Бедный Густав, он уже боится собственной тени! Жаловался, что вы не даете ему прохода. Итак, признавайтесь, что же натворил несчастный, из-за чего он стал причиной вашего повышенного внимания?

– Мы думаем, он заговорщик! – торжественно возвестил Дэнни. – Потому что он тайком встречается с послами из Зарейна. Мы сами это видели!

– Ах вот как! – усмехнулся герцог. – А почему же вы не подумали, мои маленькие друзья, что бедный Густав встречается с послами из Зарейна вовсе не тайно, а по приказу графа Маклахана? Того самого, кто входит в Ближний Совет вашего

брата... Еще вчера в столицу прибыла младшая дочь правителя Зарейна. Их вероисповедание и традиции во многом отличаются от наших, но мы хотим, чтобы каждая из избранниц вашего брата чувствовала здесь себя как дома. – И посмотрел на меня со значением. – Именно поэтому с послами Зарейна ведутся длительные переговоры. Что вы на это скажете, разбойники?!

Разбойники, насупившись, промолчали, а дядя продолжил их распекать:

– К тому же вы сбежали от своего гувернера третий раз за эту неделю и обвели вокруг пальца стражу. Гувернер в полнейшем отчаянии, и я боюсь, как бы бедняга не наложил на себя руки. Вашу охрану брат грозит уволить, потому что им больше нет никакого доверия. Вы о них-то подумали?

Близнецы вздохнули и переглянулись, но герцог не собирался останавливаться:

– И что это еще за одежда? Почему вы, принцы династии Стенвеев, выглядите как свинопасы?

– Как конюхи, – не удержалась я, потому что мне стало жаль расстроенных братьев. – Свинопасы выглядят немного по-другому.

– Мы хотели, чтобы нас никто не заметил, – признался Том. – Решили не выделяться из толпы.

– Оделись, чтобы походить на Братство Голодных, – добавил Дэнни. – Потому что они...

– Они – невидимки, – подхватил его брат. – Они могут появляться и исчезать без следа. Это Тайная Гильдия, у которой есть устав и кодекс чести, и они никогда не выдают своих другим. К тому же они могут выследить кого угодно и украсть что угодно. Даже у Высших Магов!..

Тут мы въехали на вымощенную крупной брусчаткой улицу, и у Тома принялись клацать зубы. Он замолчал, а его дядя насмешливо произнес:

– Братства Голодных не существует, уясните это раз и навсегда! Никакой Тайной Гильдии в Аронделе нет. Это миф, который давно уже бродит по столице и

бередит слабые умы. Я же надеюсь, что ваши к таковым не относятся, поскольку вы – Стенвеи. Поэтому выкиньте подобные глупости из своей головы!

Тут карета наехала колесом на большой камень, нас порядком подкинуло, и я, картинно ахнув, завалилась на герцога. Но сразу же отстранилась, принявшись извиняться, на что он галантно спросил, все ли со мной в порядке, а затем намекнул, что стоит поправить шляпку, потому что та немного съехала набок.

Впрочем, могу и не поправлять, леди Корнуэлл прекрасна в любом виде.

– Братство Голодных существует! – насупившись, заявил герцогу Дэнни, но мне показалось, что мальчишки порядком расстроились после его слов. Настолько, что вот-вот заплачут, словно их великолепный и уверенный в себе дядя собирался украсть у них детскую мечту.

– Милорд, мне кажется, вы кое-что обронили, – сказала я Джеймсу Стенвею, а затем протянула ему золотые часы в форме луковицы.

Задержалась на миг на них взглядом, успев разглядеть дарственную надпись на крышке: «От Бэсси», но тут же отвела глаза. Не мое это дело!

– Обронил? – удивился он совершенно искренне. – Интересно, когда только успел?

– Карета на что-то наехала, – пояснила я. – Наверное, выпали из вашего кармана.

У него не было карманов. Это я поняла, когда пыталась стащить те самые часы, которые обнаружила во внутреннем отделении его камзола.

– Надо же! – отозвался он, а затем, как и близнецы, уставился на меня во все глаза.

Но я лишь пожала плечами, затем с независимым видом стала перевязывать шляпку.

Ничего не знаю и знать не хочу – уронил, и все тут!

И пусть герцог вскоре вернулся к своему рассказу о том, что Братство Голодных – это всего лишь глупые выдумки – такие же, как и сказки, которые рассказывала принцам старая нянюшка на ночь, – я-то видела, как загорелись глаза Тома и Дэнни.

Судя по всему, дяде их настроения было уже не испортить. Что же касается меня, то я нашла вполне действенный способ не пялиться на его лицо, не смотреть на обтянутые дорогой материей тренированные плечи, загорелую шею и крепкие запястья, выглядывавшие из белоснежных манжет батистовой рубашки.

Вместо этого я стала с интересом рассматривать мелькавшие за окном красоты Стенстеда и делала это так долго и старательно, пока герцог не перестал распекать близнецов. Оставив их в покое, он снова обратил свое внимание на меня. Но вместо очередного допроса стал рассказывать мне о чудесах столицы.

Да-да, о тех самых подвесных садах – семи гигантских ступенях, на каждой из которых были собраны уникальные образцы растений из разных частей Арондела. Об огромных зданиях Королевского Театра Оперы и Балета...

Тут мимо нас проехала самоходная повозка, на которую я уставилась во все глаза, забыв, что именно хотела спросить о здании Оперы, и тогда Джеймс Стенвей, улыбаясь, поделился со мной принципами работы парового двигателя.

Но я не все поняла и принялась задавать вопросы. На этот он, поинтересовавшись, на самом ли деле мне интересно или же я только делаю вид – на что получил мои горячие заверения в том, что это в высшей степени увлекательно, – создал в воздухе несколько магических иллюзий, наглядно показывая, как внутри двигателя рождается сила, которая, в свою очередь, крутит ось ведущих колес...

Беседа настолько меня увлекла, что я и не заметила, как мы доехали до дворца. Потому что отец, я прекрасно это помнила, всегда говорил о том, что после появления Граней ослабевшую магию в нашем мире стала теснить наука, – и столичные чудеса как раз были тому подтверждением.

Тут наша карета миновала распахнутые золотые ворота, возле которых застыла стража с алебардами, после чего покатила по подъездной дорожке к дворцу.

Мы проезжали по чудесному саду, от красоты которого у меня перехватило дух. Я смотрела во все глаза на аккуратно подстриженные кусты, на мраморные статуи Богов и героев, золотые фонтаны и изумрудную зелень газонов, по которым расхаживали странные птицы с огромными разноцветными хвостами, похожими на распахнутые веера.

Павлины... Уверена, это были павлины, которых до этого я видела только в книгах!

Затем карета свернула к дворцу, и я смогла воочию узреть великолепное здание, фасад которого украшали двадцатиметровые изваяния главных Богов Арондела. Остановились, и я, опомнившись, закрыла рот, так как к нам уже спешили поджидавшие на мраморном крыльце лакеи в черных с золотом ливреях.

Но карету покидать мы не спешили, потому что, оказалось, близнецы захотели меня навестить. Причем сегодня же.

Дядя Джеймс, они ведь могут это сделать? Или же им нужно спросить разрешение у старшего брата?

– Спросить разрешение у вашего брата, конечно, не помешает, – заявил им герцог. – Но сперва вам нужно получить на это согласие самой леди Корнуэлл.

Услышав это, близнецы уставились на меня выжидательно.

– Конечно же! – сказала им. – Я буду только рада, если вы меня навестите. Но сначала вам придется извиниться перед гувернером и людьми, которым вы причинили беспокойство своим побегом, и пообещать им, что вы так больше никогда не будете делать. Затем извиниться еще и перед своим братом, он тоже за вас переживал. – Уж я-то знаю, за Олли я волновалась куда больше, чем за себя! – После чего сходить в часовню и хорошенько помолиться.

Брови герцога полезли вверх, а близнецы закатили глаза.

– Да-да! – сказала им. – Именно в такой последовательности, и никак иначе! После этого, если еще не придет мой черед предстать перед королем, я буду рада нашей встрече. Вы как раз покажете мне часовню, где я смогу

возблагодарить Святую Истонию за то, что мне все-таки удалось добраться до столицы...

– То есть ваша горничная, отправившаяся в монастырь, этого за вас не сделает? – поинтересовался герцог, как мне показалось, с легкой ехидцей в голосе.

– Я собираюсь поблагодарить Святую Истонию лично, – произнесла я с достоинством, – потому что Боги любят персональное обращение. И вам, кстати, тоже не помешает...

На это глаза закатил уже он.

Наконец, принцы нас покинули, а герцог Раткрафт помог мне выбраться из кареты. Его прикосновения оказались на редкость приятными, но я... Нет же, на этот раз я не спешила превращаться в кашу – мысли о деяниях Святой Истонии очень мне в этом помогли! – и лишь улыбнулась ему вежливо.

– Если позволите, я провожу вас в Крыло Невест, – заявил он после того, как объяснил одному из слуг, что прибыла еще одна королевская избранница. Затем приказал тотчас же найти леди Виторину, главную распорядительницу отбора, и передать той столь благую весть.

– Буду только рада! – отозвалась я.

Мне почему-то не хотелось с ним расставаться. Наоборот, в его присутствии я чувствовала себя значительно увереннее, несмотря на весь его... гм... саркастический нрав.

– Заодно я бы хотел узнать, – произнес герцог, когда мы поднялись на крыльцо, а слуги перед нами уже распахивали огромные позолоченные двери дворца, – как вы это сделали.

– Что именно, милорд?

– Вытащили у меня часы, леди Корнуэлл! – усмехнулся он.

– Но вы же их сами обронуили, милорд! – картинно возмутилась я.

– Ничего подобного, – возразил он. – При этом вы сняли мою защиту буквально за долю секунды, а потом поставили обратно. И сделали это так, что я не сразу и понял... Вернее, до сих пор в недоумении, как вам удалось это повернуть. А я ведь все-таки Высший Маг, леди Корнуэлл! – намекнул он. – Причем с отличием окончивший Академию Магии Стенстеда. Хотя рядом с вами я уже начинаю в этом сомневаться...

– Ничего не знаю, – сказала ему, поджав губы. – Ни о вашей Академии, ни о вашей защите, а уж тем более о Высшей Магии!

Тут мы вошли в гигантский холл, и я замерла, а сердце пропустило удар, потому что от увиденного у меня снова перехватило дух. Уверена, попроси у меня кто-нибудь описать то, что я лицезрела перед своими глазами, у меня попросту не хватило бы на это слов.

Оказалось, герцог до сих пор смотрит на меня выжидательно.

– Итак, леди Корнуэлл...

– Ой, а расскажите мне, что это за статуи? – спросила у него. – Никак не могу признать... Неужели это пять ипостасей Бога Дархи? Да-да, как раз по количеству магических Стихий...

– Не увиливайте, леди Корнуэлл! – улыбнулся он. – Я все еще жду вашего ответа.

Вместо этого я всеми силами попыталась выразить ему свой восторг от увиденного.

– Итак, что мы имеем, – наконец, констатировал Джеймс Стенвей. – Вернее, у вас имеется сильнейший магический дар, леди Корнуэлл! Похоже, вы унаследовали его от своего отца, архимага Дорсетта. При этом я чувствую довольно необычные колебания и вынужден признать, что ни с чем подобным я раньше не сталкивался!

– Ничего об этом не знаю, – вновь повторила я. – Мой отец давно уже умер, моя мама тоже, а магов на острове Хокк раз два и обчелся. К тому же мой дядя...

– Ваш дядя – сноб, – вынес свой вердикт герцог. – Именно таким я запомнил его в нашу последнюю встречу. Собственного дара у Бернарда Корнуэлла нет, магию он никогда не одобрял, и я серьезно сомневаюсь в том, что вы получаете надлежащее обучение.

– В чем-то вы правы, – отозвалась я. – Дядя не слишком-то одобряет магов, но это не мешает ему быть хорошим человеком. Он заботится о нас с Олли...

– Олли?..

– Это мой младший брат, Оливер, – пояснила ему. – Он серьезно болен, и дядя платит большие деньги, чтобы поставить его на ноги. Так что не смейте говорить о лорде Корнуэлле плохо!

– Я и не думал, – пожал герцог плечами. Затем сделал приглашающий жест, и мы пошли дальше.

Наш путь лежал в отведенное для избранниц короля Крыло Невест, расположенное, по словам Джеймса Стенвея, в восточной части дворца. Чтобы туда попасть, нам пришлось порядком поплутать по длинным галереям, один за другим минуя просторные залы, которые могли бы посоревноваться друг с другом роскошью своего убранства.

Наконец, мы попали в картинную галерею, где у меня снова перехватило дыхание. Настолько, что я даже остановилась, чтобы получше рассмотреть портреты королей и королев династии Стенвеев, и сразу не расслышала, что говорил мне герцог.

– Агата, – неожиданно позвал он. – Агата Дорсетт!

Повернула к нему голову – оказалось, Джеймс Стенвей снова улыбался.

– Вы забавная, когда открываете рот и смотрите на мир огромными изумрудными глазами, – произнес он.

На это я закрыла рот. Надо же, ну что за глупая привычка?!

– Я слышу, как к нам приближается леди Виторина, – добавил герцог. – Ее неодобрительные шаги не спутать ни с чьими другими... Ну что же, очень скоро нам придется расстаться, и я передам вас с рук на руки распорядительнице отбора. Но мы обязательно встретимся, Агата! Уже этим вечером, на балу по случаю его открытия. Думаю, мне причитается один танец за то, что я вас доставил в целости и сохранности...

– О чем вы сейчас говорите? – спросила я, окончательно запутавшись.

Он что, просит у меня танец?! Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт просит танец у меня?!

– Я говорю о том, что вы хорошо влияете на моих племянников, леди Корнуэлл! – заявил он. Затем повернулся и поприветствовал подошедшую к нам пожилую даму. – Леди Виторина, посмотрите, кого я вам привез!

Она посмотрела, да и я тоже.

Седые волосы распорядительницы были собраны в строгую прическу и уложены на затылке. Черное платье полностью закрывало шею, из всех украшений присутствовала лишь одна маленькая аметистовая брошь на плече. Лицо леди Виторины было строгим, худые губы сжаты в тонкую линию, и на миг я засомневалась, способна ли она улыбаться.

Впрочем, куда больше меня заинтересовали ее руки. Потому что они были сложены именно так, как нас учили в приюте.

Выходило, что леди Виторина тоже имела отношение к Сестринству Святой Истони.

– Милорд, – произнесла она полным достоинства голосом, посмотрев на герцога Раткрафта, – значит, вы привезли... – Уставилась на меня. – Леди Корнуэлл, не так ли? Последняя из невест нашего короля.

И самая незавидная, добавила я про себя. Впрочем, тут же спохватилась и, поклонившись, произнесла:

– Доброго вам дня, леди Виторина, и пусть Боги будут к вам благосклонны! Да, я прибыла на отбор самой последней. Но мы живем на северной оконечности Арондела, и письмо с приглашением пришло к нам с задержкой. К тому же по пути в столицу мой корабль угодил в шторм, и только благодаря помощи и заступничеству Святой Истоники...

Леди Виторина с явным интересом слушала мой рассказ.

На этот раз я не стала врать. Сказала, что вещей у меня с собой нет. Только этот саквояж, в котором лежат мой паспорт, приглашение на отбор и молитвослов. Горничной у меня тоже нет, но я готова предстать перед королем такой, какая я есть, и в том, что на мне надето.

Потому что стыдиться мне нечего. К тому же, молитвами Святой Истоники....

На это герцог, улыбнувшись, откланялся и ушел, заявив напоследок, что оставляет меня в компании леди Виторины и Святой Истоники. Нам троим явно есть что обсудить и без него.

– Монастырь и приют Святой Истоники на Хокке, не так ли? – поинтересовалась распорядительница, когда высокая фигура Джеймса Стенвея исчезла за дверью картинной галереи. Дождавшись моего положительного ответа, спросила: – Кто сейчас там настоятельница?

– Матушка Тилиния.

– А Старшая Сестра?

– Сестра Инноренция, – отозвалась я и украдкой вздохнула, вспомнив, как мне доставалось от излишне строгой монахини.

Леди Виторина снова окинула меня взглядом, после чего сказала, что обе ей прекрасно знакомы.

– Что случилось с твоей одеждой, дитя? – мне показалось, что голос распорядительницы потеплел.

– У меня нет другой одежды, – призналась ей. – Боги дали, Боги взяли... Но нас в приюте учили смиренно принимать их выбор.

На это леди Виторина склонила седую голову. Поразмыслив несколько секунд, произнесла:

– Следуйте за мной, леди Корнуэлл!

И я покорно отправилась за ней.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

Его кузен стоял, облокотившись на подоконник, возле окна в Малом Овальном Кабинете. Только что закончилось собрание Близкого Круга, пятеро советников покинули рабочий кабинет, но Джеймс все же остался, так как Брайн попросил его задержаться.

Им было о чем поговорить.

Впрочем, сперва король взял небольшую передышку, но от партии в шахматы отказался. Вместо этого подошел к окну и с явным интересом уставился в сад.

Джеймс, устроившись в мягком кресле возле неразложенного камина – как раз рядом с тем самым шахматным столиком, за которым они с двоюродным братом проводили достаточно времени, – нисколько не сомневался в том, что вид оттуда открывался интересный.

По дорожкам прогуливались прибывшие на отбор избранницы – по крайней мере, большая часть из них. Из своего кресла он видел лишь край сада, но от разноцветных платьев даже у него порядком рябило в глазах.

Вполне возможно, что под окнами Малого Кабинета прогуливались все двадцать четыре избранницы, тогда как двадцать пятая – Джеймс нисколько в этом не сомневался – первым делом отправилась разыскивать часовню, чтобы помолиться Святой Истони или еще кому-нибудь из главных Богов Арондела.

Зато остальные специально выбрали эту часть огромного сада, словно стараясь привлечь внимание короля.

И они его привлекли.

– Как думаешь, которая из них? – повернув голову, спросил у него Брайн.

На это герцог Раткрафт привычно пожал плечами, но все же задержал взгляд на своем венценосном кузене.

Многие говорили, что они с Брайном похожи как две капли воды, разве что темный цвет глаз король унаследовал от покойной матери, уроженницы жаркого юга Арондела. К тому же Джеймс отрастил длинные волосы по негласному кодексу выпускников столичной Академии – еще одно отличие! – собирая их в хвост и тем самым подчеркивая свою принадлежность к Высшим Магам.

– Та, которую ты выберешь, – ответил он на вопрос кузена, потому что тот не спускал с него требовательного взгляда. – Впрочем, ты давно знаешь мое отношение к отбору. Ничего не изменилось, Брайн, и я до сих пор не вижу ни единой объективной причины для его проведения. Ты вполне мог выбрать себе жену и без этого фарса.

Их перепалка началась еще ранней зимой, когда Брайн объявил на совете о своем решении, и Джеймс так и не смог его отговорить, хотя всячески старался. Но Брайн вбил себе в голову, что для укрепления монархии и стабильности в стране им стоит вернуться к первоисточникам.

Он собирался возвести еще несколько храмов Всех Богов и часовен Святой Истони в разных концах Арондела, а также возродить древнюю традицию королевских отборов – последний прошел во время правления его прапрадеда, – пригласив как принцесс соседних королевств, так и дочерей высших придворных.

Придворные игры – вот что, по мнению Джеймса, ждало его кузена в ближайшие пару недель, а вовсе не укрепление монархии и стабильности. И скорая женитьба на той, которая будет больше всех отвечать интересам Арондела.

Впрочем, кто ею станет, пока еще было неизвестно. Споры насчет кандидатуры будущей королевы тянулись вот уже пятый месяц – такие же бурные, как и обсуждение самой идеи отбора, – хотя Брайн старательно делал вид, что его выбор будет сделан сердцем и одобрен древним артефактом

– Я бы не отказался послушать, что мне подскажет умудренный опытом кузен, – усмехнулся король. Джеймс был всего лишь на несколько месяцев его старше, но Брайн любил подшучивать на эту тему. – Признайся, которая из них тебе приглянулась больше всего? Лично тебе, Джеймс, без соображений выгоды для Арондела.

– Все твои избранницы, без сомнения, прекрасны, – отозвался на это герцог уклончиво.

Еще до начала отбора он видел многих, а за последние пару дней успел оценить и остальных, но... В голове после сегодняшней неожиданной встречи поселился образ Агаты Дорсетт, который он никак не мог оттуда изгнать. Хотя, надо признать, всячески пытался.

Не получалось – не только до, но и во время заседания Ближнего Круга перед глазами время от времени вставало ее лицо. Он отлично помнил взгляд ее округлившихся от удивления зеленых глаза, приоткрытый рот, что, странным образом, показалось ему вполне милым.

Быть может, потому что он понимал: Агата Дорсетт обладала пытливым умом, ярким магическим даром и не напускным благочестием. Ко всему этому прилагалось чудесное личико и худенькая фигурка с приятными округлостями в плавильных местах...

– Джеймс! – вырвал его из задумчивости голос короля.

Оказалось, Брайн подошел к креслу и смотрел на него с легким удивлением.

– Ты о чем-то меня спросил? – нахмурился Джеймс.

– Я только что говорил о Бэсси Берналь, – терпеливо произнес король. – Быть может, ты хочешь, чтобы я отпустил ее с отбора уже сегодня вечером?

К удивлению, мысль о недавнем разрыве с Бэсси, которой Джеймс был порядком увлечен, сейчас больше не причиняла ему ни боли, ни тревоги.

Ему было все равно.

– Делай как хочешь, – сказал он кузену. – Бэсси среди твоих избранниц, так что выбирать из них тебе. Но знай, она твердо намерена занять место на соседнем с тобой троне.

Именно это и стало причиной их разрыва – юная леди Берналь заявила, что ее устроит одна единственная партия и она не намерена размениваться по мелочам. Бэсси собиралась выйти замуж за короля.

– Думаю, я все же выставлю ее на втором испытании, – заявил на это Брайн. – На первом было бы довольно унижительно и для нее, и для ее отца, маршала Берналя.

– Мне все равно, как долго задержится на отборе Бэсси Берналь, – пожал плечами Джеймс. – Но ты должен трезво взвесить все за и против, если решишь сделать ее королевой. Подозреваю, характером она пошла в отца, а тот никогда и ни в чем не видел преград. На поле боя это, конечно, прекрасное качество, но в любви... Но тебе решать, Брайн! К тому же Бэсси поразительно красива, в этом ей не отказать.

Сказал и про себя отметил, что, опять же, несколько не удивлен ее чудесной красоте, хотя, без сомнения, внешность Бэсси приковывала к себе мужские взгляды.

– Тогда кто? – вновь спросил король, на что Джеймс снова посоветовал ему принять взвешенное решение.

– Похоже, мой кузен твердо решил воздержаться от советов, забыв, что он не только мой первый советник, но еще и близкий друг, – с улыбкой произнес Брайн. – Впрочем, ты прав, я справлюсь с выбором и сам. Но скажи мне, Джеймс!.. До меня дошли слухи, что ты привез во дворец последнюю из приглашенных. Агату Корнуэлл, а вовсе не Абигейл.

– Мы столкнулись с ней случайно, когда я искал близнецов, – подтвердил он.

– Эта самая Агата Корнуэлл уже успела покорить два мужских сердца, – сообщил ему с легкой улыбкой Брайн.

– Чьих? – резко спросил Джеймс, за что кузен взглянул на него удивлением.

– Мои младшие братья, – усмехнулся король. – Явились перед началом совета якобы извиниться за свой побег и сказали, что уже выбрали мне невесту. Да, это та самая Агата Корнуэлл! А затем они ушли в часовню... – Брайн уставился на него задумчиво. – Ты не знаешь, что им могло там понадобиться? Вернее, мне пора уже вызывать реставраторов или же еще немного погодить?

– Подозреваю, им там понадобилось помолиться, – со смешком отозвался Джеймс. – Такое иногда случается... Так сказать, внезапная тяга к общению с Богами.

На это Брайн нахмурился.

– Не к добру такая тяга! – произнес он с озабоченным видом. – Отправлю-ка я к близнецам своего лекаря, пусть он их осмотрит. – А затем добавил: – Пожалуй, я пригляжусь к этой Агате Корнуэлл. Интересно, что в ней такого?

На это Джеймс неожиданно отметил, что его настроение, до этого вполне умиротворенное, несмотря на трехчасовой совет и несомненные проблемы Арондела, начало безвозвратно портиться.

И это несколько ему не понравилось.

Поэтому, резко поднявшись из кресла, он приказал себе выкинуть леди Корнуэлл из головы. После чего, пересев за овальный стол, предложил кузену все же

вернуться к насущным делам. Пусть совет уже закончился, но до вечернего бала еще далеко, так что у них оставалось время...

В городе стремительно распространялась смертельная зараза, и ее нужно было остановить как можно скорее.

Глава 5

Когда я вышла из ванной комнаты, смежной с чудесной спальней, меня поджидал сюрприз.

Вернее, сюрпризы начались еще с того момента, когда леди Виторина проводила меня в заранее подготовленные покои, расположенные на втором этаже в конце длинного коридора Крыла Невест. В этот самый коридор, по всей протяженности которого стояли стражники, выходило множество комнат – сейчас пустующих, потому что их обитательницы разбрелись кто куда.

Мои покои оказались самыми последними в ряду – потому что я тоже прибыла последней, – и они дожидались двадцать пятую из приглашенных на отбор избранниц короля. Именно в них мне предстояло прожить все время, пока я буду оставаться во дворце.

И это оказалось восхитительным местом!..

Сбивчиво поблагодарив короля и леди Виторину за их доброту – не забыла и мысленно обратиться к Богам, – я обошла три комнаты – малую приемную, большую гостиную и свою спальню. Обставлены они были в пастельных тонах – изящная белая мебель, шелковые ковры на полах, картины на стенах и вазы с цветами на столах в каждой из комнат – и казались мне настолько неправдоподобно-красивыми, что я едва удержалась от возгласа восхищения.

Затем обнаружила ванную комнату, и от этого самого возгласа уже не удержалась.

Потому что большую часть огромной комнаты занимал бассейн, наполненный горячей водой. Оказалось, пока мы с леди Виториной шли из центрального корпуса в крыло невест, бассейн успели еще и подогреть.

А я... Если честно, я еще никогда в жизни не видела так много горячей воды в одном месте!

Да, Северное Море было постоянным нашим спутником, и мы, жители Хокка, привыкли к тому, что оно шумит, волнуется, иногда гневается и обрушивается огромными волнами на прибрежные скалы. Мы все умели плавать – поголовно, – но делали это в холодной, а порой даже в ледяной воде.

Что же касается горячей, то в родительском доме имелась большая бадья, в которой мама купала нас с Олли, когда мы были маленькими. В приюте каждому выдавали железное блюдо для умывания, два раза в месяц для девочек топили баню, а для мальчиков считалось, что хватит и одного.

В пещере Хорошего Годфри никого не заботили отсутствие горячей воды и сложности с купанием – только меня. В доме дяди мы с Олли жили скромно, как и положено бедным родственникам. Правда, у нас с братом снова появилась бадья, в которой я нагревала воду с помощью магии – так было значительно быстрее и проще, чем таскать ее ведрами с плиты.

Зато сейчас я осторожно прикоснулась пальцем к наполненному теплой водой бассейну – длинному, размером с целую комнату. Завораживающее зрелище!..

– Горячо, госпожа? – встревожилась молоденькая темноволосая горничная, приставленная ко мне леди Виториной.

Ее звали Майя, а вторая, светловолосая, была Дина. Наверное, служанки неправильно истолковали изумленное выражение на моем лице, поэтому всполошились, заявив, что сейчас же покликают мага, чтобы остудить воду.

– Не надо! – благоговейным шепотом отозвалась я. – Мне нисколько не горячо.

Меня обуревали совсем другие чувства и ощущения.

Признаюсь, мне было немного страшно из-за того, что все это лишь сон и он вот-вот закончится. Я сейчас проснусь и никогда в жизни не испытаю, каково это, когда можно лечь и вытянуть ноги в горячей воде. Или... даже переплыть с одной стороны бассейна на другую, после чего выйти наружу, не стуча зубами и не умирая от холода.

А еще, если честно, я чувствовала себя недостойной всего этого внимания, которое мне оказывали в королевском дворце. Две горничные, эти чудесные комнаты и этот... бассейн. Потому что я – бедная родственница Агата Дорсетт и никакая не Корнуэлл!..

Вернее, по документам-то я была Корнуэлл, но только потому, что кухня вылетела бы с позором еще до начала отбора. Именно из-за этого я оказалась на ее месте, возле бассейна с зелено-голубой водой, в который бросала розовые лепестки одна из моих горничных.

В нем должна была нежиться Абигейл Корнуэлл, а вовсе не я!..

– Вам все же не помешает принять с дороги ванну, леди Корнуэлл! – внезапно раздался голос распорядительницы. Повернувшись, я наткнувшись на излишне пронизательный взгляд леди Виторины. – Король будет занят до самого вечера, так что времени у вас предостаточно.

– Я вымою вам волосы, – тут же подхватила Дина, и я решилась...

Попрощалась с леди Виториной и не стала протестовать, когда горничные помогли мне раздеться. Затем, завернувшись в простыню, осторожно ступила в воду. Блаженно закрыв глаза, погрузилась в нее с головой.

Вынырнув, полежала немного, наслаждаясь моментом, после чего позволила вымыть себе голову, хотя прекрасно могла бы справиться со всем сама. Затем исполнила свою мечту, проплыв с одной стороны бассейна на другую, после чего с явным сожалением вышла наружу. Накинув на себя протянутый Майей халат, отправилась в спальню, по дороге подсушивая волосы магией.

А там...

Именно там меня поджидал сюрприз.

На кровати лежало чудесное бледно-голубое платье – открытые плечи, рукава-фонарики, пышные юбки и узкий лиф с квадратным вырезом, – расшитое тончайшими кружевами.

Самое красивое из всех, которые я когда-либо видела.

– Что это такое?! – выдохнула я растерянно, повернувшись к горничным.

– Это вам, госпожа! Только что принесли, – с готовностью отозвалась Дина.

– Но откуда? И кто его принес?!

Оказалось, платье доставила служанка из центрального крыла, но от кого, мои горничные не знали. Точно так же, как и явившаяся узнать, как у меня дела, леди Виторина.

– Но я не могу его принять! – сказала ей, уставившись на распорядительницу во все глаза. – Это очень дорогой подарок, а я... Я даже понятия не имею, кто его прислал!

– Вы можете это принять, – с нажимом произнесла пожилая леди, и мне показалось, что она уж точно все знает!.. – Думаю, это платье прислал ваш друг, а друзья, леди Корнуэлл, вам здесь не помешают. Потому что недругами на королевском отборе обзавестись проще простого.

– Это ведь герцог Раткрафт? – спросила у нее негромко, потому что других друзей у меня здесь не было.

Вернее, я не была уверена в том, что герцог испытывал ко мне дружеские чувства, но из обитателей королевского дворца я знала только его. Близнецы были еще слишком малы, чтобы помочь мне с гардеробом, а Мэтью...

Мэтью вряд ли успел бы обо всем узнать и настолько быстро решить мою проблему с бальным платьем. К тому же я не была уверена в том, что подобное ему под силу.

Леди Виторина улыбнулась уголками губ:

– Вы сможете спросить об этом у милорда герцога на балу! И если этот подарок сделал он, то заодно и поблагодарить за то, что он выручил вас в столь сложной ситуации. Потому что явиться на представление к королю в дорожном наряде было бы не самым правильным решением.

– Но Святая Истония всегда говорила...

– Я прекрасно осведомлена в том, что именно говорила Святая Истония, – отозвалась непререкаемым тоном леди Виторина, – но при этом я знаю, что происходит во дворце и на отборе. Поэтому я уверена, что Она бы одобрила, если бы вы приняли это платье. – И больше ничего не стала мне объяснять. – Начинайте уже собираться, леди Корнуэлл! – заявила вместо этого. – У вас около двух часов, после чего за вами придут. Вам предстоит навестить магов, а затем отправиться на встречу с королем.

– Я предстану перед Брайном Стенвеем лично? – дрогнувшим голосом спросила у нее.

– Вы имеете в виду свидание? Нет, сегодня личных встреч не будет. Церемония представления пройдет в Бальном Зале. Приглашено много гостей – весь высший свет столицы, – и в их присутствии король сделает свой первый выбор. Но я не думаю, что кто-нибудь уйдет с сегодняшнего отбора. – Затем добавила: – Если, конечно, девушки будут выглядеть достойно, – это леди Виторина произнесла со значением, и я поняла, почему это платье настолько важно, – а маги не обнаружат ничего, что могло бы помешать избранницам продолжить отбор.

– Проверка на невинность, не так ли?

Распорядительница кивнула, подтвердив, что именно так.

– И вот еще, леди Корнуэлл, не забудьте что-нибудь съесть. Подобные мероприятия могут затянуться до самого утра, а голодные обмороки вряд ли придутся нашему королю по нраву. К тому же на балу я советую вам воздержаться от горячительных напитков. Насколько мне известно, король не

одобрит, если его избранница станет проявлять подобную несдержанность. Это может плохо отразиться на будущих наследниках, которыми он мечтает обзавестись в скорейшем времени.

Услышав это, я уставилась на леди Виторину во все глаза, потому что мысль о будущих наследниках вызвала у меня состояние, близкое к панике.

Впрочем, я тут же сказала себе, что это не про меня. Какие еще наследники?! Главное, пройти первое испытание и хоть немного задержаться на отборе, а еще отдать дядины документы в нужные руки.

Например, тому самому герцогу Раткрафту, чей дорогой подарок оказался сегодня как нельзя кстати. Уверена, именно он прислал мне это самое платье!..

– Я не пью горячительных напитков, – сказала я леди Виторине.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – заявила мне распорядительница, после чего перед самым уходом добавила, что на встречу с магами мне идти самой последней, так как я прибыла позже остальных. Но это не означает, что мне стоит затягивать со сборами.

А я подумала, что два часа – это же целая уйма времени...

Этих двух часов мне вполне хватит и на то, чтобы собраться, и на то, чтобы поразмыслить о происходящем. А потом, быть может, дождаться маленьких принцев, которые собирались меня навестить, и вместе с ними – или же самой – выйти из комнаты и немного прогуляться по дворцу.

Вернее, я собиралась спуститься в сад, чтобы пройтись по его дорожкам, поглазеть на павлинов и, конечно же, отыскать часовню и поблагодарить Святую Истонию за то, что я добралась до дворца живой и невредимой.

Но, оказалось, времени у меня нет ни на что.

Сперва горничные порядком провозились с моей прической – это заняло у них больше часа, потому что Майя откуда-то принесла голубые бусины, и мои служанки принялись в четыре руки украшать подколотые кверху локоны и

завивать распущенные.

Затем появилась служанка с подносом, на котором стояли два позолоченных блюда, накрытых крышками, а рядом лежала записка от леди Виторины с наказом обязательно все съесть.

После обеда ко мне пришел важный лакей с еще одним подносом, правда, размером чуть поменьше. На нем оказалось три флакона с духами – их на выбор слала мне леди Виторина. И, опять же, к подносу прилагалась записка.

«На ваш вкус, леди Корнуэлл, – писала мне распорядительница, – но я бы предложила вам обратить внимание на последний пузырек справа».

И я обратила.

Духи в нем оказались резкими и немного горьковатыми – но именно такой мне виделась моя родина. Суровый скалистый остров, омываемый холодным Северным Морем, приют вечно голодных чаек и людей, привыкших выживать, отбивая у скал места для своих полей, а у моря – пропитание.

Поэтому я остановила выбор на третьем флаконе, мысленно поблагодарив Святую Истонию за то, что Она послала мне друга. Вернее, я надеялась, что леди Виторина испытывала ко мне искреннее расположение – быть может, потому что распорядительница сама состояла в Сестринстве, – и я вовсе не стала пешкой в непонятной мне игре.

Затем с помощью горничных я облачилась в бальное платье, немного переживая, что маленькие принцы так и не пришли меня навестить. Судя по всему, ждать мне их сегодня не стоило, потому что за окном уже начинало вечереть. Тут горничные настолько туго затянули мне лиф, что мысли о близнецах королевских кровей вылетели у меня из головы, и я взмолилась о пощаде...

Горничные все же прислушались к моим мольбам и чуть ослабили завязки, а я, посмотрев на часы, с жалостью перевела взгляд на роскошный сад. Подумала, что если меня выставят уже сегодня, я так и не успею по нему пройтись и полюбоваться вблизи на чудесные цветы, павлинов и фонтаны. Вместо этого вернусь в свои покои, сниму великолепное платье, наконец-таки вздохнув полной грудью. Затем надену дорожный наряд и... пойду в город пешком.

Там, если не найду никого из Братства, мне придется отправиться в женский приют Святой Истони – слышала о таком еще на Хокке. Быть может, Сестры смилостивятся и разрешат мне переночевать?..

А дальше я уже буду думать, как вернуться домой.

Покачав головой, разогнала не слишком-то приятные мысли о том, как встретит меня на Хокке дядя, хотя мне было что ему рассказать о поведении родной дочери. Затем уставилась на себя в зеркало, пытаюсь привыкнуть к новому образу, потому что на меня смотрела... не совсем я.

Вернее, себя-то я узнавала, но это уже была какая-то другая я.

У незнакомки оказались огромные, широко распахнутые изумрудные глаза – наверное, от удивления из-за произошедших со мной перемен, – полные губы – их намазали целебным бальзамом, и я до сих пор ощущала его вкус, – и бледная кожа – четыре дня в море давали о себе знать, – которую оттеняли черные, искусно завитые волосы.

Но, признаюсь, мне нравилось то, что я увидела.

При этом я прекрасно понимала, что если в детской сказке лягушка скинула кожу и в конце превратилась в прекрасную принцессу, то в моей все будет как раз наоборот. Лягушке придется надеть свою шкурку обратно, и из незнакомки в бальном платье я снова превращусь в Агату Дорсетт, лишь по милости дяди получившую титул, к которому ничего не прилагалось...

Тут в двери гостиной постучали, и я вздрогнула от неожиданности. Оказалось, пришел тот самый слуга, который должен был проводить меня на встречу с магами.

Наверное, я порядком побледнела – началось! – и горничные это заметили. Вспокоились не на шутку, принявшись в два голоса меня успокаивать.

– Это простая формальность, леди Корнуэлл! – заявила мне Майя. – Вам не стоит так волноваться! Уверена, на отборе вы пройдете очень и очень далеко!

– Потому что вы удивительно красивы, – тут же добавила Дина, – и король не оставит этого без внимания. Все во дворце знают, насколько он большой ценитель... женской красоты.

Дина на мгновение запнулась, а затем еще и покраснела, за что Майя посмотрела на нее осуждающе.

– То есть у короля есть любовницы? – поинтересовалась я, сложив одно с другим.

На это Майя нервно улыбнулась, заявив, что слухи ходят разные, но леди Корнуэлл не стоит обращать на них внимания.

И я пожала плечами, решив не обращать.

Почему меня должно волновать, есть у короля любовницы или нет? Я здесь для того, чтобы получить как можно больше лет жизни для моего брата, а вовсе не для того, чтобы покорить сердце Брайна Стенвея!

Так уж получилось, что в Бальный Зал я пришла последней из избранниц, когда представление королю уже вот-вот должно было начаться. Но задержалась не по своей вине – пришлось дожидаться, когда маги, проводившие в западном крыле осмотр невест, освободятся, хотя пришедший за мной слуга заявил, что настал мой черед.

Но они все еще были заняты, поэтому я исполнила свою мечту – не стала дожидаться под дверью, вместо этого отправилась гулять по садовым дорожкам. Встретила двух девушек в ярких платьях и двух павлинов с расправленными веерами хвостов – и одни, и вторые окинули меня надменными взглядами.

Затем остановилась возле увитой розами беседки и долго смотрела, как готовятся открыться бутоны, хотя на Хокке розы цвели разве что в самом конце холодного северного лета.

Наконец, меня покликнули еще раз, извинившись за то, что встреча с предыдущей избранницей настолько затянулась. Я даже ее увидела – столкнулась на лестнице, – и лицо у девушки оказалось красным, а глаза заплаканными.

Наконец, постучала, после чего, дождавшись разрешения, вошла в небольшую, уютно обставленную комнатку. В креслах возле круглого низкого стола сидели двое мужчин в черных мантиях с крыльями Стенвеев на плечах. Один – с начинающей сесть головой, но все еще крепкий, жилистый. Второй – молодой, темноволосый, приятной наружности.

Судя по всему, это были те самые маги, которые должны подвергнуть меня проверке.

Но не они привлекли мое внимание.

На столе, на простенькой железной подставке, лежал круглый, бордового цвета камень, излучавший сильнейшие магические колебания. Настолько сильные, что я порядком растерялась, замерев у двери.

Затем дыхание и вовсе перехватило, а магия почему-то прилила к ладоням, складываясь в непонятное мне заклинание. На миг мне даже показалось, что я его не удержу и оно, непрошенное, сорвется с моих рук.

Но что за этим последует, я понятия не имела.

Испуганно дернулась, пытаюсь как можно скорее успокоить магические потоки, а заодно приказывая успокоиться еще и себе. Что со мной? И почему я так странно реагирую на этот артефакт?!

Уставилась на него, размышляя, что бы это могло быть.

Ответ напрашивался сам собой, но я мысленно покачала головой. Нет, сказала себе, этот круглый камень вряд ли может быть Сердцем Пламени, которым так славился Арондел! Не верю, что столь бесценную вещь запросто достали из королевской сокровищницы и принесли в западное крыло, и теперь она стоит здесь, на этом столе, на обычной подставке, охраняемая всего-то двумя

магами!..

К тому же папа многое мне рассказывал о древнем артефакте, и я имела представление о его силе. Нет, сокровище Арондела было другим, невероятной и завораживающей мощи!

– Проходите, леди Корнуэлл! – подал голос пожилой маг.

Кажется, они так и не обратили внимания на мою заминку у дверей. Вернее, на то, что из меня чуть было не полилась магия, сложившаяся в неведомое заклинание.

Подошла, поклонилась.

– Доброго вам вечера, господа!

– Леди Корнуэлл, прошу вас, садитесь! – молодой маг указал на пустующее кресло. – Это не отнимет у вас много времени, если, конечно, вы ответите на наши вопросы честно, ничего не утаив.

– Я отвечу на все ваши вопросы предельно честно и ничего не утаив, – сказала ему, устроившись в кресле. Хотела посмотреть магу в глаза и не смогла: артефакт притягивал все мое внимание. – Если, конечно, сочту, что готова на них ответить.

– Вы же понимаете, – нахмурился пожилой маг, – что вам придется поделиться с нами тем, что у вас на душе. Иначе вы не будете допущены к встрече с королем и вам придется сегодня же покинуть отбор.

– Это простая формальность, леди Корнуэлл! – тут же подхватил молодой.

Улыбнулся мне, заявив, что понимает причину моего смущения и нежелания говорить на столь деликатные темы. Но им все же придется задать мне два вопроса.

Спросить, девственна ли я и свободно ли мое сердце. На это мне стоит дать либо отрицательный, либо положительный ответ, и артефакт подтвердит, искренна

ли я или же пытаюсь обвести их вокруг пальца.

Кивнула, продолжая замороженно разглядывать круглый камень. Мне казалось, что он был рукотворного происхождения и что это очередная, но очень хорошая попытка подражания Сердцу Пламени, которое создала сама Святая Истония, а потом подарила первому королю из династии Стенвеев.

О, эта история была описана в «Житии Богов», и я знала ее наизусть, потому что она была одной из моих любимых. Речь в ней шла о том, что Святая Истония сумела утихомирить магию в Смутные Времена, когда наш мир застыл на грани разрушения и, казалось, у людей не было ни единого шанса на спасение.

И все потому, что магия вышла из-под контроля.

Но Святой Истонии все же удалось ее усмирить. Для начала Она успокоила большую ее часть, которой мы сейчас продолжали пользоваться, а те излишки, что отказывались ей повиноваться, отправила в другие миры. Чтобы не позволить магии вернуться и снова приняться за свое, Святая Истония создала Грани, запечатав входы и выходы в те миры, и тем самым спасла наш собственный от полного уничтожения.

Но хаотичной, бесконтрольной магии все еще оставалось слишком много.

Именно тогда Святая Истония, стоя на уступе одной из скал в Арвийских Горах, что неподалеку от Стенстеда, сотворила артефакт – сильнейших из всех, которые когда-либо появлялись в нашем мире.

Сердце Пламени – вот как его называли.

В него Она поместила всю собранную и усмиренную ею магию – десятки, а то и сотни взбунтовавшихся Стихалиев, до этого крушивших все подряд. Замуровав их на веки вечные, Святая ушла из нашего мира навсегда...

Правда, папа был не согласен с подобной трактовкой событий тысячелетней давности. Говорил мне, что в «Житии Богов» – полнейший бред, и Истония вовсе не была святой. Она, по его словам, была сильнейшим магом того времени, но ее стали обожествлять, хотя Истония всего лишь сделала свою работу.

Но глупые люди принялись строить храмы в ее честь и причислили к лику Святых, вместо того чтобы растить новое поколение таких же Истоний, разыскивая и опекая талантливых и магически одаренных детей по всему Аронделу.

Папины убеждения, признаюсь, мало кому пришлись по нраву. Я и сама к ним относилась настороженно, потому что в приюте нас учили совсем по-другому. Настоятельница подолгу беседовала со мной на эту тему – потому что Сестра Инноренция могла только кричать, грозить небесными карами и наказывать.

Но матушка Тилиния терпеливо объяснила мне, что Истония, рожденная человеком с сильнейшим магическим Даром, была еще и наделена божественной силой. Иначе как бы ей удалось спасти наш мир, когда другие спасовали?!

И вскоре я согласилась с ее словами, потому что отчасти это совпадало с тем, что говорил папа. Но, в отличие от него, я тоже думала, что Святую Истонию прислали нам Боги в самый отчаянный момент.

Все началось еще за сотню лет до Ее рождения. Неведомая сила сперва разлучила людей с драконами, лишив нас прежнего единства. Все попытки воссоединиться закончились полнейшим провалом. Вернее, стало только хуже – люди пытались изобрести способ, как это сделать, но в результате множества экспериментов магия окончательно вышла из-под контроля.

Взбунтовалась, из-за чего повсюду стали возникать сильнейшие Стихиалии, мощи которых людям нечем было противостоять. Их было не утихомирить, и через десятилетие почти все города лежали в развалинах, а позже на нас обрушились еще и природные катастрофы.

Летописцы тех времен утверждали, что под воздействием неконтролируемой магии материки пришли в движение, вызвав повсеместные землетрясения и извержения вулканов. После этого стали истончаться границы между мирами, и в наш хлынули монстры.

Демоны, пришедшие покарать людей за их грехи, вот как говорила нам Сестра Инноренция.

Близился конец света, но Святой Истонию все же удалось его остановить. Спасти людей, хотя, по словам папы, способ она выбрала довольно странный. Ее стараниями магия успокоилась, и возникли Грани, отделившие наш мир от других.

К тому же несколько Граней появилось и в нашем – в самом Аронделе их было целых три, – препятствуя движению между странами. Да и драконы вместо того, чтобы снова слиться с людьми, оказались где-то в ином месте.

Вернее, в другом мире.

Но все же это было спасение, после чего Святая Истония, загнав оставшихся Стихалий в камень, вручила артефакт лорду Стенвею. Пусть Ее сопровождали и другие Первые Лорды, среди которых был и предок Корнуэллов, но Святая почему-то выбрала именно Стенвея. Сказала, что ему править новым Аронделом и его династия принесет стабильность и процветание в наш мир.

А еще сказала, что у нее было видение, в котором столицей Арондела, вместо разрушенного землетрясением Бордума, станет Стенстед – в то время лишь небольшая рыбацкая деревушка.

После чего Святая ушла. В приюте нас учили, что Она вознеслась небо, заняв место одесную Богов, но папа говорил, что Истония отправилась в мир, куда она послала драконов, потому что могла ходить через Грани.

И еще он утверждал, что оставленный ею артефакт сможет их убрать.

Утверждал неголословно – написал с десятков книг с доказательствами своей теории, твердо уверенный в том, что нашему миру больше ничего не грозит. Даже если Грани падут, мы продолжим жить как прежде, даже этого не заметив. Потому что магия, которой в нашем мире после ухода Истонию стало значительно меньше, чем до этого, уже не в состоянии взбунтоваться.

Впрочем, папа имел лишь отдаленное понимание, как убрать Грани, хотя ему казалось, что разгадка находится в оставленном Святой Истонией артефакте. Правда, ему так и не довелось подержать Сердце Пламени в руках, и отец не до конца понимал, что оно из себя представляет.

Мне тоже было любопытно, поэтому я решила осторожно расспросить магов.

– Говорят, в Сердце Пламени есть капля крови Святой Истони, – произнесла я, вспомнив папины слова об особой магии артефакта. – Так ли это?

Пожилой пожал плечами.

– Люди многое говорят, леди Корнуэлл! Но мы бы хотели поговорить с вами немного о другом. Не могли бы вы положить руку на артефакт, а потом ответить на наши вопросы...

Но я все еще не оставляла надежды узнать чуть больше.

– А что, если внутри кровь Святой Истони? – сказала ему, старательно подражая тону сестры Инноренции. Еще и губы поджала, точно так же как она. – Разве я могу его коснуться?! Это же святотатство!

На это молодой маг закатил глаза.

– Кровь Святой Истони находится в Сердце Пламени, – заверил он меня. – Тот артефакт хранится в королевской сокровищнице...

Кивнула. Значит, другой – так я и думала!

– Тогда что это за камень?

– Когда Сердце Пламени помещали в сокровищницу, от него откололся небольшой кусок. Да-да, именно этот, леди Корнуэлл! Правда, сам кусок истинного артефакта вы не увидите, потому что позже его поместили в каменную оболочку. Но вы можете не переживать, в нем нет ни единой капли крови Святой!

– Тогда зачем мне к нему прикасаться?

На это глаза закатил уже пожилой маг.

– Затем, леди Корнуэлл, что за столетия нахождения рядом с Сердцем Пламени Малое Сердце, так называют этот артефакт, успело пропитаться его магией и обрести похожие свойства. Именно поэтому с его помощью мы узнаем, говорите ли вы нам правду. Хотя есть и другие, вполне действенные способы, – намекнул мне маг, – чтобы выяснить, сохранили ли вы невинность до этого времени. Например, осмотр королевским лекарем...

На это я, вздохнув, положила руку на артефакт и сказала, что они могут смело задавать мне свои вопросы.

Но пока они их еще не задали, я принялась смотреть, как внутри Малого Сердца всколыхнулось пламя, с каждой секундой разгораясь все сильнее и сильнее. Нет, оно не обжигало, хотя артефакт начал светиться, и вскоре мне стало казаться, что внутри него запылал настоящий пожар.

Маги тоже смотрели. Затем один из них попросил меня убрать руку.

Послушалась.

Ах, снова положить? Как скажете, мне не тяжело!

Убрать? Да пожалуйста!

– Гм, – пожилой взглянул на молодого, – необычно! Можно ли еще раз попросить вас прикоснуться к артефакту, леди Корнуэлл?

И я положила на него ладонь в очередной раз. После чего спросила, что со мной не так. Вернее, если они сейчас мне заявят, что я не девственна, это будет в высшей степени возмутительно! И я обязательно потребую осмотра у королевского лекаря – или пусть их даже будет несколько, этих лекарей, чтобы все убедились! – потому что я никогда в жизни...

На это оба мага уставились на меня долгими взглядами, а затем сказали, что я могу идти.

– А как же моя невинность? – растерялась я. – А как же мое сердце? Вы так и не задали своих вопросов, вместо этого заставили меня упражняться в поднимании

и опускании рук!

– Вы девственны? – спросил пожилой маг, хотя мне показалось, что этот вопрос его нисколько не интересовал.

Но я все же кивнула, добавив, что мое сердце тоже совершенно свободно, на что маги мне снова заявили, что я могу идти.

– Как, и все?!

Оказалось, что все.

Потому что они даже не ответили, продолжая замороженно рассматривать артефакт, внутри которого до сих пор билось, волновалось пламя. Правда, уже не такое сильное, как в тот момент, когда я положила на него свою ладонь.

Пожав плечами, сказала себе, что понятия не имею, что у них произошло. Но я уж точно здесь ни при чем, потому что ничего плохого не сделала.

Если у них... гм... сломалось Малое Сердце, то моей вины в этом нет!

Оставив комнату с задумчивыми магами, я нашла своего лакея, и тот длинными дворцовыми коридорами проводил меня к дверям переполненного Тронного Зала, сообщив, что все избранницы уже собрались и король вот-вот должен появиться.

И да, мне нужно поторапливаться – как можно скорее пробиться через толпу к трону, потому что через несколько минут начнется представление избранниц. Затем, взглянув на колыхавшееся передо мной людское море, сочувствующим голосом пожелал удачи.

И я подумала, что, судя по всему, она мне не помешает!

Я попыталась протиснуться сквозь толпу, но это оказалось еще той задачей!..

Придворные стояли насмерть, плечом к плечу, и на все мои просьбы посторониться и пропустить окидывали меня недовольными взглядами и просили не напирать, потому что им самим плохо видно.

А ведь мне надо было туда, в самый конец огромного зала, потолки которого подпирали колонны из серого мрамора!.. Именно там находилось возвышение, где стоял украшенный драгоценными камнями королевский трон. Рядом с ним располагался еще один, поменьше, предназначенный для будущей королевы Арондела.

Пока еще пустующий, но все должно было измениться в ближайшую неделю.

Не успела я пройти – пробиться! – и треть пути через переполненный зал, как раздались звуки фанфар, после чего зычный голос глашатая объявил, что прибыл король Арондела, милостью Богов представитель избранной династии Стенвеев Брайн I.

Придворные принялись аплодировать и выкрикивать здравницы, но я, вместо воодушевления, ощутила прилив отчаяния. Подумала, что, быть может, мне стоит проложить себе дорогу магией, потому что все попытки объяснить, что я тоже избранница, но немного опоздавшая, не слишком помогали.

Вернее, меня-то пропускали, но тут же приходилось объяснять следующим...

К моему удивлению, магии в тронном зале не оказалось. Уж и не знаю по какой причине, но магические потоки старательно обходили это место стороной. И я решила, что, наверное, их изгнали подальше из этих стен с помощью артефактов или же заклинаний, чтобы не было возможности причинить вред королю или друг другу.

Наконец, Брайн Стенвей занял свое место на троне, поприветствовав гостей и прибывших в столицу избранниц, после чего все тот же зычный мужской голос принялся рассказывать историю королевских отборов в Аронделе. Я же удвоила свои усилия, чтобы ни в коем случае не опоздать...

Но тут, откуда ни возьмись, рядом со мной появились близнецы. Вынырнули из толпы, на что я выдохнула с явным облегчением – быть может, они мне помогут?!

Сказала, что рада их видеть.

На это принцы заявили, что выполнили все мои задания – и извинились, и даже сходили в часовню, но после этого их задержали. Брат почему-то прислал к ним лекаря, и тот отнял у них порядком времени, заставляя то открывать рот, то показывать ему язык, а потом и вовсе провел полный осмотр, хотя они совершенно здоровы.

На самом деле, раз уж так вышло, они решили притвориться больными, но пока лекарь выводил их на чистую воду, прошло слишком много времени и ко мне они уже не успели.

Но, быть может, они смогут прийти завтра?..

На это я ответила, что если я все еще буду во дворце – вернее, их брат не выставит меня на сегодняшнем испытании, потому что попросту меня не найдет... Так вот, если я останусь во дворце, то, конечно же, буду рада их видеть!

– Не выставит, – подмигнул мне Том. – Мы ему все про тебя рассказали!

На это я округлила глаза, а Дэнни уже продолжил:

– Завтра утром у вас охота. Нас, конечно же, на нее не возьмут, потому что все считают, будто бы мы маленькие...

– И еще, что мы все испортим, – подмигнул мне Том.

– Но днем ты будешь свободна и покажешь нам знак Братства! – добавил его брат.

Он все же понизил голос, потому что к нам стали прислушиваться.

– И научишь снимать магические метки, – покивал Том.

– Поговорим об этом завтра, – пообещала я им. – Сейчас мне надо поскорее попасть к остальным избранницам.

На это близнецы пообещали меня проводить. И проводили, принявшись расталкивать придворных и гостей, нисколько не церемонясь, как делала я до этого. Прокладывали нам дорогу, требуя пропустить избранницу короля, да так резво, что я едва за ними попевала.

Наконец, выбралась из толпы и тут же оказалась в группе красавиц, стоявших перед возвышением, ведущим к трону. Быстро поблагодарила принцев, на что они, кивнув на прощание, затерялись среди придворных.

Я же испуганно взглянула на Брайна Стенвея – надеюсь, я еще не успела впасть в королевскую немилость?! Но если он и заметил мое опоздание, то вида не подал. Зато я увидела, как нахмурилась леди Виторина, кивком указав мне на место в самом конце принявшихся выстраиваться в ряд избранниц.

И я, подхватив юбки, ринулась вдоль длинной шеренги. Стала в нее последней, но решила, что это даже к лучшему: у меня будет время отдышаться и прийти в себя. А заодно и понять, испортила ли я все на свете или же у меня оставался шанс на то, что представление королю пройдет не так уж и плохо.

Но я, опять же, толком не успела прийти в себя, потому что стоило мне занять свое место, как Брайн Стенвей поднялся на ноги и отправился вниз со своего возвышения. И я уставилась на него во все глаза, решив лучше его разглядеть.

Король был красив – в жизни он оказался куда более привлекательным, чем на портретах в губернаторском доме. К тому же холст не передавал всей той энергии и мощной силы, исходившей от крепкой фигуры в светло-сером, парадном наряде.

Еще немного посмотрев, я решила, что Брайн Стенвей попросту идеален.

Если в его кузене, герцоге Раткрафте, я могла найти какие-то изъяны – ну, если бы решила это сделать, – то в короле их попросту не было. К тому же лицо его дышало благородством, и даже со своего места мне казалось, что он преисполнен любезности и благодушия. Не то что его кузен, стоявший неподалеку от трона и разглядывавший избранниц короля с крайне скептическим выражением!..

Лицо герцога, в отличие от его двоюродного брата, было чуть более узким, профиль куда более хищным, да и сам он казался худее и резче в движениях, чем король.

С другой стороны, почему я все время думаю о герцоге Раткрафте, если должна думать о короле?!

И я снова повернула голову, уставившись на то, как Брайн Стенвей остановился напротив первой девушки в ряду избранниц. Она была чудо как хороша собой – смуглая, с резкими, южными чертами лица, одетая по моде Зайрена в салатного цвета широкие шаровары и длинную, расшитую драгоценными камнями тунику.

Две иссиня-черные косы спадали ей на грудь.

– Удивительная красавица эта принцесса Зайрена! – раздался знакомый голос позади меня, и я несколько не удивилась тому, что герцог, оставив свое место возле тронного возвышения, подошел и встал за моей спиной, явно собираясь комментировать церемонию представления.

Конечно же, с кем еще обсудить достоинства и недостатки избранниц короля, если не с одной из его избранниц?!

– Хотя мне больше по нраву красавицы Арондела, – добавил Джеймс Стенвей.

– Интересно, а вашему двоюродному брату какие красавицы больше по нраву? – шепотом спросила я у него.

Покосилась на герцога и вздохнула украдкой, потому что и он в своем черном наряде был убийственно хорош собой.

И я неожиданно подумала, что если Первый из Стенвеев, сопровождавший Святую Истонию, обладал хотя бы частью привлекательности и внутренней силы Джеймса или Брайна Стенвеев, то у меня не оставалось ни единого сомнения, почему именно ему Она протянула Сердце Пламени.

– Скажем так, ему придется по нраву та, которая принесет больше пользы нашему королевству, – отозвался герцог, и его губы тронула легкая усмешка. – И вы, леди Корнуэлл, если не хотите в будущем разочароваться, должны принять этот факт к сведению.

– Спасибо за вашу науку, милорд! – отозвалась я негромко. – И за заботу о моем сердце. А еще я хотела бы поблагодарить вас за чудесное платье...

– Всегда готов помочь пострадавшим в кораблекрушении, – кивнул он, окинув меня одобрительным взглядом. – Не этому ли учила Святая Истония, на которую вы постоянно ссылаетесь?

– Именно этому, – согласилась я. – Вернее, Она говорила, что стоит протягивать руку помощи бедным и обездоленным, но вы протянули мне целое платье!.. – Джеймс Стенвей снова усмехнулся, но улыбка исчезла с его лица, потому что я добавила твердо: – И это платье я обязательно вам верну!

– Оставьте его уже себе, – заявил герцог. – Мне, пожалуй, оно будет не слишком-то к лицу. К тому же если я начну расхаживать в нем по дворцу, то, боюсь, подобное зрелище привлечет к себе куда больше внимания, чем отбор невест моего кузена.

Теперь уже я не удержалась от смешка. Хотя хихикать, стоя в строю избранниц, подозреваю, было еще тем занятием, за которое можно заслужить неодобрение со стороны леди Виторины!

– Лучше уж подарите мне танец, – добавил Джеймс Стенвей, – это будет вполне достаточной благодарностью.

– Какая-то несоразмерная благодарность!..

– Тогда два, – философски заявил он. – Два танца, леди Корнуэлл, и мы с вами в расчете.

– Два танца, и я верну вам платье, – сказала ему, на что он качнул головой, явно собираясь возразить.

Но мы так и не успели закончить наш спор, потому что герцог внезапно заявил, что поговорим позже. Затем шагнул назад, в толпу придворных, перед этим с многозначительным видом покосившись в сторону трона.

Оказалось, король, беседовавший со своими избранницами, был уже неподалеку от меня. И я повернула голову, пытаюсь сосчитать, со сколькими девушками ему осталось поговорить, прежде чем настанет мой черед.

Но видно мне было не очень хорошо, потому что передо мной стояла тоненькая блондинка с дрожащими губами. Причем дрожали не только ее губы – чем ближе подходил король, тем сильнее она раскачивалась из стороны в сторону. Вовсе не от нетерпения – казалось, девушка едва стояла на ногах.

Тоже смотрела на короля, затем повернулась ко мне.

У нее оказались испуганные светло-голубые глаза и острый подбородок. Одета она была в белоснежное платье, расшитое серебряными нитями, своим покроем напоминавшее подвенечное. Но, несмотря на столь говорящий наряд, встреча с королем ее явно страшила.

Мне стало жаль бедняжку, и я улыбнулась сочувственно.

– Агата, – представилась ей негромко, разглядев, что Брайну Стенвею оставалось поговорить еще с четырьмя избранницами, после чего придет черед бедняжки, а затем и моя очередь предстать перед королем. – Меня зовут Агата Дорсетт, она же леди Корнуэлл.

– Вильгельмина Найд, – прошелестела блондинка. – Можно просто Тэль...

– Почему ты так боишься встречи с королем? – шепотом спросила у нее, увидев, как тот, оставив предыдущую избранницу, остановился рядом с приятной, но не

сказать что сильно выделявшейся на фоне остальных красавиц девушкой.

У нее было простенькое лицо в форме сердечка, вьющиеся каштановые волосы, выбивавшиеся из строгой прически, и серые глаза.

– Это принцесса Элиза из Визмора, – склонилась к моему уху Тэль. – Как можно соревноваться за внимание короля, если здесь почти каждая – либо принцесса, либо признанная красавица Арондела?! Здесь собрались все – и Бэсси Берналь, и Эстель Маклахан, и Харриет Рэнд, а еще приехали принцессы Визмора, Зайрена и Устеда!

Затем уставилась на мое лицо и округлила глаза.

– И ты тоже! – добавила она обреченно. – Как я могу соревноваться в красоте... например, с тобой?! – На это я нахмурилась, а девушка продолжала: – Отец приказал мне ни в коем случае не опозориться на отборе. По его воле мне даже пришлось покинуть монастырь, хотя я собиралась посвятить себя служению Богине Элите. Но он мне сказал, что я должна показать себя и достойно представить нашу семью, иначе я ему больше не дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grinberga_oksana/nezavidnaya-nevesta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)